

DIGITAL BOOK

ИГОРЬ ОСИПОВ

БОЕВОЙ МАГ

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ ВОИН
ЯРОПОЛК

ИДДК

КНИГА 4

Игорь Валерьевич Осипов

Тысячелетний воин Ярополк

Серия «Боевой маг», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57016788

Аннотация

Клин клином вышибают – так решили в отделе по контролю нечисти и магии, зачислив нашего героя в отряд охотников за городскими монстрами. А герой проклят, и проявляется это в самые неподходящие моменты. Но самое большое его проклятие – новые товарищи, которых придётся постоянно удерживать от сумасбродных поступков. И в компании необычных друзей наш герой будет очищать мегаполис от обнаглевшей нечисти и ставить на место зарвавшихся божков. Ну и спасти мир, как без этого.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Нежить в супермаркете	5
Глава 2. Начнём с начала	14
Глава 3. Пробуждение	30
Глава 4. Вась Вась	44
Глава 5. Герои по найму	60
Глава 6. Оружейная лавка	75
Глава 7. Первая охота	89
Глава 8. Княжич из мрака	105
Глава 9. Зелёная банда	122
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Игорь Осипов Тысячелетний воин Ярополк

© Осипов Игорь

© ИДДК

Содержание цикла "Боевой маг"

Книга 1. Как я стал боевым магом

Книга 2. За кромкой миров

Книга 3. Потусторонний батальон. Том 1. Рота нечисти

Книга 3. Потусторонний батальон. Том 2. Война за друж-

бу

Книга 4. Тысячелетний воин Ярополк

Глава 1. Нежить в супермаркете

Стрела со свистом пронеслась по всему супермаркету, с грохотом разбила какую-то бутылку и вонзилась в жестяной стеллаж. Взвизгнула работница магазина, на которую посыпались осколки, и полилась яркая жидкость. Женщина пригнулась и помчалась к выходу.

В разные стороны порхнули, словно диковинные заморские птицы, рекламные фантомы, среди которых были и смазливые девки в коротких сарафанчиках да со стрекозиными крылышками, и упитанные усатые крестьяне с большими серебряными бидонами молока, а то и вовсе что-то непонятное. Все как один не больше синицы или снегиря. И девки в том числе.

– Вот, давеча глядел по телевизору, – произнёс я, доставая из колчана стрелу и прикладывая её к луку, – как барышня трёхгранкой броню на триста шагов прошибла. Так брешут же.

– Ты не отвлекайся! – проворчал Вась Вась, стоя за линей касс. Он был далеко, но голос его доносился через говорилку, закреплённую в ухе. – Ты чуть по человеку не попал!

Я улыбнулся, разглядывая верхушки стеллажей, где с шумными воплями носились странные твари, перепрыгивая аки обезьянцы с одного на другой.

– Попал, куда целился, – спокойно произнёс я в ответ. –

Незачем под ногами во время охоты путаться.

– Стоимость товаров из гонорара вычту, – снова пробурчал Вась Вась.

– Ну, так вот, – продолжил я, быстро перебежав от ряда к ряду, – в кино брешут постоянно, что девки из лука по людям хорошо стреляют. Ладно бы из охотничьего, где белку сшибить или утку срезать, а из боевого – брешут. Вот, мой попробуй натянуть, пуп надорвёшь.

Над головой зависла жужжащая пакость со стеклянным глазом. Она наблюдала и запоминала увиденное. Сколько ни ругался с Вась Васем, а он упёрся, мол, сейчас на слово не верят, жужжалкой нужно запечатлевать. И ведь помимо них он пришёл ещё и глаза-пуговицы к одежде.

Одна из тварей неосторожно выглянула из-за ящичков, и я быстро, на разрыв, выпустил стрелу. Та, щеголяя ярко-жёлтым оперением, умчалась вверх. Над залом супермаркета раздался противный визг, и чудище рухнуло на плитку, где продолжило скрестись. Я быстро подбежал поближе. Тварь была размером с бобра, лишённая меха и покрытая чешуёй аки ящерица. Зато ушам и страшной морде позавидовал бы и самый уродливый нетопырь. Из раны вырывался едкий противный дым, ещё бы, конечник-то серебряный.

– Что за тварь? – спросил я.

– А я почём знаю? Ты весь вид загораживаешь, – скороговоркой ответил Вась Вась. – Экшн-камеру поправь.

Я дотронулся до крохотной коробочки со стеклянным гла-

зом, прикреплённой к ободку на лбу, повернув её пальцами.

– Гремлины обыкновенные. Южно-германская разновидность.

– Откуда они у нас? – спросил я, наступив на затихшую тушку и выдернув стрелу.

На широком зазубренном наконечнике шипела чёрная кровь создания.

– Да блин, прячутся в коробках с бытовой техникой. Чебурашки хреновы.

– Ладно, я дальше.

Твари после смерти сородича начали бесноваться, вниз полетели банки и всякий хлам. Брешет Вась-Вась, что вычитет из жалования. От подобных созданий ущерб в несколько раз больше бывает. А если не вывести немедленно, то расплодятся как тараканы, вовсе придётся лавку прикрывать.

Я выстрелил ещё раз, но промазал. Лишь продырявил воздушную трубу под потолком. Твари захохотали, продолжая швыряться в меня товаром. В ход пошли яйца. Они с влажными шпеками расплёскивались по плитке. Но яйца не камни – не страшно.

За эту охоту нам заплатят неплохую сумму. Главное – к вечеру управиться.

Следующая стрела достигла цели, но гремлин остался умирать наверху. Шипение серебра в проклятой плоти было слышно даже отсюда. Я ухмыльнулся, ведь не забыл ещё, как охоту вести. А что эту тварь, что гуся влёт бить – всё едино.

Ряды промелькнули перед глазами, щеголяя пёстрыми упаковками и лампами. Пробежав мимо мясной лавки, я подхватил какую-то колбасу и откусил от неё ломоть.

– Вот точно вычту из жалования!

– Ушпокойща, – ответил я, прожёвывая сырокопчёный кусок. – Холошая жакушка.

Из говорилки донеслось невнятное бормотание, а потом сменилось полным недоумения воплем.

– Срань господня! Что это?!

Я вынырнул в междурядье и замер. Между стеллажей в мою сторону шла женщина. Она была обнажена и окровавлена. Лицо разрублено чем-то, да так, что виднелся кусок черепа, болтающийся на лоскутах кожи.

– Мертвячка, – протянул я, глядя на эту девуку.

– Значь так, буду звонить в полицию, а ты бери её живьём. Это ведь уголовка. Они опознание проводить будут.

– Живьём? – переспросил я, – Так она уже труп.

– Блин. Ну, ты понял, – пробурчал Вась Вась, и говорилка пискнула перед тем, как надолго замолчать.

Видать, в самом деле с полицией общается. Но вопрос, откуда здесь ходячий труп, был весьма животрепещущим. Понятно, что эти заморские гремлины могли с товаром проникнуть, словно нам своих анчуток для пакостей не хватает, а нежить – уже серьёзно. Нежить – это значит, что кто-то скончался не своей смертью. С виду девчурка хрупкая, но во внешности мертвеца легко ошибиться. Мертяки уже

на полпути из яви в навь, на них земные правила не всегда распространяются.

– Ты меня понимаешь? – негромко спросил я, подняв руки и тут же получив несколько попаданий свежими яйцами в спину.

Гремлины никак не хотели уняться, видя, что у меня появился другой противник, посложнее этих убогих малявок. Но это они зря. Я резко выхватил бронебойную стрелу из колчана и подбросил вверх, а потом, не глядя на тонкую оперённую лучину смерти, умчавшуюся к потолку, повернулся и достал срезень. Наложив стрелу с широким режущим наконечником, выстрелил навскидку. Один из гремлинов заверещал и упал на спину, схватившись когтистой ладошкой за отхваченную в колене лапку. Остальные бросились рассыпную, а я подхватил падающую бронебойку и запустил вслед за срезнем. Заверещал ещё один уродец, когда трёхгранный тонкий наконечник прошил серебристую стойку стеллажа и проткнул создание насквозь, как бабочку на иголке. Я раньше с сорока шагов белку-веверицу сшибал тупоносым битнем точно в голову, дабы шкурку не портить, и существо размером не больше бобра не было чем-то особо сложным.

Гремлины на некоторое время притихли, и теперь можно было заняться мертвячкой. А та неспешно приближалась ко мне, ковыляя, словно у нога её сломана.

– Ты меня понимаешь? – повторил я, пристально глядя на бледную девушку с разрубленной головой.

– Ты такой же, как он, – прошептала мертвячка, – такой же. Вы все такие. Ненавижу.

– Какой такой?

– Ненавижу, – снова прошипела девушка.

Мертвячка была небольшой, и можно попробовать её попросту повалить на пол и связать. Размышляя так, я сделал несколько скользящих шагов и схватил девку за руку, но в следующий миг полетел вверх тормашками прямоком на холодильные сундуки с прозрачными крышками. Стекло под моим весом лопнуло, и я почувствовал под спиной замороженные упаковки еды. Головой при этом ударился о край морозилки. Пришлось даже сделать несколько глубоких вдохов, чтоб прийти в себя. Надо мной завис подобно шестикрылому серафиму дрон со стеклянным глазом. Как-то сильно захотелось запустить в него чем-нибудь тяжёлым, но без отчёта нам не выплатят денег, а в деньгах я сейчас очень нуждался. Посему надобно терпеть.

Я выбрался из ледяного плена и поискал глазами лук. Тот оказался аккурат под ногами бледной беглянки с того света, а судя по тому, как она меня швырнула, добраться до оружия дальнего боя не представлялось возможным. Оставалось только ножами да мечом биться. Жаль, копьё с собой не прихватил.

Пальцы сноровисто нащупали метательные ножи, а потом выхватили их из петелек на грудной перевязи. Заточенные стальные перья одно за другим воткнулись в ноги мертвяч-

ки, но та не обратила внимания на это, несмотря на то, что чёрная кровь зашипела и вспенилась от прикосновения серебра, вчekanенного в узкие доли лезвий, аки из пробитого баллончика с бритвенной химией. Хотя, сами по себе ножички, без серебришка, и оружием-то можно не считать. Секиру бы метнуть, да опять же нету. Не взял, выйдя на охоту на мелочь.

– Стой, где стоишь! – выкрикнул я и достал из ножен меч, хотя пришлось при этом дугой выгнуться, чтоб уцепиться за рукоять оружия, которое очень неудобно, и даже больно уткнулось в спину, так как перевязь при падении перекрутилась.

Вот обещал же мне Вась Вась в скором времени разрешение на пистолет выписать, а всё не сподобился. Приходится по старинке. Но по старинке привычнее. Я сам кусок старины, неведомо какими чарами нырнувший через бездну веков и оказавшийся в совсем другом времени. Тысяча лет одним мигом минула со дня моего явления на свет. Тысячу лет я спал.

Эх, сейчас бы щит да копье, вмиг насадил дитя нави на сталь. Я приподнял меч так, чтоб клином удобно было и ударить, и заслониться. Проще всего, наверное, рубануть по рукам. Она всё равно мертва, больно ей не будет.

Полоска стали с тонкой линией серебра слегка качнулась, словно гадюка, готовящаяся ужалить, но удару не суждено было свершиться. Мертвячка бросилась на меня, да так

быстро, что тело её размазалось в воздухе, и меня снова отбросило, но на этот раз тварь прижала к твёрдому полу, вышибив дух. Меч со звоном отлетел в сторону. Казалось бы, лёгонькая девчурка, а мощи, как в лосихе.

– Ненавижу! – клокотала она, исходя чёрной слюной, капавшей мне на лицо. – Всех вас ненавижу!

Мертвячка схватила меня за волосы и стала бить о пол. Я же вцепился ей в горло и хрипел, пытаюсь отпихнуть от себя это отродье нави.

– Ненавижу! – продолжала яриться девка.

В какой-то миг мир вокруг меня посерел и померк, а потом снова засиял красками. Не знаю, сколько времени прошло, но я стоял теперь на четвереньках над разодранной на крупные подрагивающие куски навьей, чьё лицо всё ещё гримасничало и пыталось шептать проклятия. Поздно меня проклинять, уже тысячу лет, как проклят.

Всё тело горело, как если бы я угодил в котёл с крутым кипятком. А сам я стоял и принохивался, словно дикий зверь, к чёрной крови, опираясь на левую руку. Правая же была поджата и с неё капала алая кровь, смешиваясь с чёрной. Только не совсем человечья она, рука эта. На коротких чёрных пальцах вылезли длинные медвежьи когти, медленно вытягивающиеся в персты. Золотистый мех таял, словно снег по весне.

Я встал на ноги, неспешно становясь снова человеком, но не удержался и обессиленный рухнул на колени. Наверное,

в этот раз я не до конца стал лютым зверем, раз штаны и шнурованные сапоги целы. Да и рубаха висела лохмотьями только вокруг пояса, словно бабская юбка.

– Эй! Ты цел, Халк наш доморощенный? – донёлся издали голос Вась Вася.

Я не смог ответить – язык не слушался. Я лишь кивнул. От этого голова пошла кругом, как от сильного похмелья. Мир закружился, навалился и словно кричал: «Ты чужой! Ты проклятый! Ты пережиток седой древности!»

Наверное, так. Но я всего два десятка дней здесь, а, казалось, что целую вечность.

Глава 2. Начнём с начала

Стрела сорвалась с тетивы и вонзилась в небольшой кустарник, растущий на опушке длинной рощи, она растянулась вдоль небольшой речушки, лениво петляющей по равнине. Чёрное оперение стрелы несколько раз дёрнулось, словно поплавок на снастях, в которые угодила крупная рыба, а потом замерло.

– Заяц, – привстав в стременах, произнёс я, а потом убрал лук в налúчьё и потянул поводья.

Гнедой жеребец недовольно всхрапнул и дёрнул ушами, но всё же свернул с поросшей мелкой, но густой травкой дорожки и пошёл по мешанине из чабреца, клевера и мышиного горошка, распугивая зелёных кузнечиков, которые прерывали свою незатейливую стрекотню, дабы потом сызнава начать её в сторонке.

– Ну ты и глазастый, – с усмешкой произнёс Мирослав, остановив своего коня.

– А что глазастый? – спросил я. – Его за версту видать было.

– Так уж и за версту? – хитро протянул мой нынешний попутчик.

– Ну, не за версту, но за полверсты, уж вестимо. Тебе что, заяц не нужен? Вон какой упитанный. Мы его сейчас с солью, луком и листом лавра в глине запечём, пальчики обли-

жешь, – произнёс я, перегнувшись в седле и подхватив свою добычу вместе со стрелой.

Зайца я подвесил петлёй пеньковой верёвки к передней луке седла, заставав серую мохнатую тушку, испачканную кровью, болтаться, как куль при каждом шаге Сплюшки. Гнедой и вправду любил вздремнуть при каждой удобной возможности, и казалось, что его можно даже не кормить, дай только посопеть вволю. Жеребец снова недовольно покосился карим глазом сперва на дичь, а потом на меня, словно осуждая.

– Я не супротив мяса. А что за лавр?

– Дык, привык в походе до Царьграда. Пряность такая. Её там все едят. Ныне не упускаю возможность выторговать у купцов по бросовой цене. Я-то знаю истинную цену.

– Ты в Царьграде был? – неподдельно удивился Мирослав.

Я вернул скакуна на дорогу, поглядел на медленно ползущий обоз и кивнул.

– Я с купцами дважды ходил. Красивый город, богатый, и там всегда лето.

– Когда же ты успел?

– А когда Ждана, жена моя, померла от ветряного мора, тогда и подался куда глаза глядят.

Мирослав покачал головой, мол, дело житейское. Эта зараза многих уносит каждое лето и каждую зиму.

– Ей было вот столько годов, – произнёс я, и начал считать по пальцам, – десять да ещё шесть. Мне на год больше, то

бишь десять да семь.

– Ты счёту обучен?

– И счёту, и грамоте, – ухмыльнулся я, – полезные умения.

– Я бы побывал в Царьграде, да пять девок у меня, проклятуших, и все погодки. И всем на приданное горбатиться надо, – вздохнул Мирослав. – Сызнова жениться не хочешь?

Вот не любил я, когда меня спрашивают о женитьбе. Перегнувшись в седле к самой земле, на тихом ходу Сплюшки сорвал горсть спелой костяники. После сунул ягоду в рот, потянулся за пазуху и вынул оттуда потайной мешочек.

– Не хочу пока. Ждану я не любил, но привечал, женившись по указке матушки, но и не бил её, да и бранил нечасто. Хорошая она была, ласковая и работающая. А после смерти не вижу ей замену, – ответил я, высыпав на ладонь несколько серебряных чеканок. – У охотников пушную рухлядь взял, да в Византии продал. Часть себе на час невзгод оставил, а часть на всякие безделицы пустил. Вроде бы всего пять сороков меха, а серебра много выторговал.

Я потряс монеты на ладони, потом подцепил перстами две висюльки заморские, из чахлого золота сделанные. Хоть и нечисто злато было, а всё одно не темнело со временем, да и не смог я прицениться к чистому злату, шибко дорого.

– Как найду девку, чтоб душа к ней легла, так вложу в белы рученьки, да скажу, будь моей навек. А пока нет такой.

– Ну-ну, – усмехнулся сотоварищ и погладил ухоженную тёмную бороду, в которой уже виднелся редкий седой волос.

– Пру-у-у, – донеслось издали, когда обозные начали оставливать коней.

То старшина обоза дал приказ на отдых. В тот же час разночинный люд схватил берестяные баклажки и дублёные меха, дабы из реки набрать тёплой и слегка пахнувшей тиной воды для похлёбки, а то и иные черпали ладонями и пили. Из рощи раздался треск ломаемого сухостоя.

– Стоит, – буркнул Мирослав, показав на одинокого всадника, одетого в дорогущую позолоченную стальную дощатую броню, именуемую в Царьграде пластинчатым доспехом, да с полированным зеркалом на груди, на котором вычеканен падающий сокол.

Низ кольчужных рукавов и её подол, свисающий из-под брони, был красным от медных колец, сделанных не столько для ратной нужды, сколько для бахвальства.

– Ага, пыжится, – с усмешкой согласился я с товарищем. Княжий братец Ратибор был из робичей. Старый князь обрюхатил челядинку, а отпрыска признал и стал привечать. Ох и лютый он, всё ему завидно, что не имеет права на городище, хотя во всём лучше старшего брата. Старший-то от свейской княжны, к коей старик сватался ещё по молодости.

Княжич зло кричал на обозных и даже несколько раз стегнул витой кожаной плетью со вшитым в конец свинцовым грузом, такой и волка насмерть забить. Не плеть, а цельный кистень получается. Вскоре княжич обратил свой взор в мою сторону.

– Ярополк! – донеслось до меня.

– Поеду к нему, – лукаво прошептал я спутнику, – а то ядом изойдёт, не отмоешься.

Мирослав ухмыльнулся и хлопнул ладонью по крупу моего Сплюшки, от этого конь дёрнул хвостом и печально вздохнул.

– Езжай, полукняжич, – донеслось едва слышное сзади.

Меня порой так называли, но я отмахивался. Мало ли от кого моя вдовая матушка понесла. Ну выдался статью, ну схож с князем ликом, так мне от того проку никакого. Я отцом Тихона считаю, что приютил нас в час лишений и нужды. У меня и сводные братья и сёстры от него были, и не делил он на своих и чужих. Наоборот, княжий сокольничий научил меня всему, что знал. И бою на мечях да копьях, и стрельбе из лука, и верховой езде, и мудрости.

Не зажгись злобой, говорил он, злоба сжигает человека, как пожар лесное древо. Не травись завистью, говорил он, не можешь что-то сделать, взять или достичь умением и смекалкой, знать, не твоё, а иже подлостью возьмёшь – не снесёшь сей ноши, сгинешь. Лучше учись уму разуму, дабы суметь. Люби ближних, ибо в них часть души твоей же. Уважай врага своего, и тогда будешь знать, где он удар нанесёт, отбить сможешь. Не гнушайся добрым словом поделиться, слово не золото, от тебя не убудет, только приумножится.

Я вздохнул. В один миг болезнь унесла дорогих мне людей, и Тихона, и брюхатую Ждану, и трёх братьев названных,

пощадив матушку и двух названных сестёр, вся забота о которых на меня легла. Пять годов с тех пор прошло. Всего одну зиму женат я был.

– Мне что, ждать должно?! – взбеленился Ратибор, за сверкав дикими очами.

– А что? Я уже еду! – ответил я, привстав на стременах и дотянувшись ладонью до свисающей к дороге берёзы.

Та качнулась, словно женская коса, и казалось, древо улыбнулось в ответ. Княжич скрипел зубами и смотрел лютым взором, а когда я подвёл коня, начал цедить слова сквозь зубы.

– Ты зайца для меня добыл?

Вот глазастый, гадёныш. И ведь не отвертишься, всё в этих землях княжье, значит, и дичь тоже.

– А я вот думал, вдруг у тебя, княже, у самого охота не случится, тут-то я подкину зайца, а всем скажу, что ты его моей стрелой сшиб, – усмехнулся я.

– Не дерзи, безродина, – прорычал княжич.

Ох, не любил он, когда его поучают, аж на желчь исходит. А на охоту сам без загонщиков и не ходит, только бахвалится, как медведя ножом уложил. Да только в том медведе и без его ножа полсотни стрел было, там даже годовалый малец справился бы.

Не любил он слов супротив своей воли, а меня вдвое остальных не любил. Ему кто-то шепнул, что старый князь на меня с пристальным прищуром глядеть начал. А наемни

пряжку от плаща свою подарил. Правда, пряжка золочёная была обещана тому, кто в бою супротив медведя выстоит. Все испугались, ну а я того медведя кормил часто, безвредный он был, я его в шутку наземь и повалил, ещё и в нос поцеловал. Князь долго смеялся, что у меня душа медвежья. Покуда сытый – добрый, а в страшный час хуже шатуна. Я тогда весь пир подле князя просидел. И все шептались. Мол, похож. Вот и лютует Ратибор, пустой ревностью исходит.

Я потянул за поводья и, повернув коня, кинул дичь в телегу, где весь скарб княжича ехал.

– Но, Сплюшка, поскакали ещё зайцев бить!

Умный жеребец, не дожидаясь, покуда его подстегнут, помчался полным ходом, аж ветер засвистел.

– Быстрей, родимый, быстрей!

А ну его, зайца этого, не первый и не последний. Не в зайце дело. Было обидно, что Ратибор мою дичь отнял. Попроси он добрым словом, сам бы ему на вертеле изжарил, ан нет, всё ему надо, чтоб важнее остальных быть.

Конь долго нёсся по дороге, храпя на бегу, а потом я остановил его. Быстрая езда хороша, она дурные мысли из дурной головы выдувает, но загнать скакуна много ума не надобно. Да и самому горячиться не след, и мчаться куда глаза глядят. Я протёр лицо ладонью и развернул скакуна обратно, похлопав по шее. Сплюшка обиженно фыркнул, мол, зачем, ты, дурак, гонишь меня почём зря. Умный он, всё понимает.

– Пошли, братец, – со вздохом произнёс я, а потом услы-

шал топот копыт на той же дороге, что сам скакал ранее.

– Ярополк! – раздался зов показавшегося на виду Мирослава. – Тебя княжич снова зовёт.

– Да что ему надобно? – огрызнулся я.

– А он всю малую дружину созывает. Дозорные доложили, что впереди деревня. Он хочет дань собрать.

– Так собирали же ныне полюдые, – изумился я, – я сам по всем сёлам и весям с мытарями ездил.

– А он ещё хочет.

– Вот дурень. Так и до смуты недолго.

– Иди сам ему объясни, – пожал плечами Мирослав.

Я повернул коня и легонько стукнул в гнелые бока, и Сплюшка словно почуял мои терзания, и нехотя побрёл обратно. Но рассказывать неразумному княжичу я ничего не стал, это его дело, не моё. Единственное, так это взял из обозной телеги щит, копьё и шелом. Кольчуга с наручами и так при мне были в сумках переметных, что позади сёдла. Добротная такая кольчуга, я её с мёртвого степняка снял, когда в дозор ходил. Они тогда как выскочат на своих мелких коняшках, прямо перед самым носом. «Сдавайся, урус», – кричали, рожи страшные корчили, саблями кривыми бряцали. Хотели нас в полон взять и продать подороже, но судьба решила иначе. Я как ткнул ближайшему в морду кулаком, он сразу брык, и дух испустил. Остальных порубали как капусту перед закваской. Им бы втихую стрельнуть, а они пожиться рабами решили.

Вот тогда я кольчужку и нашёл. Она и без того не степняцкая была, ежели по клейму судить, а из Византии. Я тогда уж хотел в долг денег просить, ибо доспех хошь не хошь, а покупать надобно, особенно если старый вместе с ладьёй утоп, жизнь-то дороже золота. И эти подвернулись так вовремя.

Я застегнул ремни на наручах и поправил кольчугу. А потом надел шелом с длинной наносницей и добротной бармицей, защищавшей шею. Шелом всё же в долг пришлось брать, так как на приданое старшей сестре соскребли всё имеющееся добро, ведь её за одного из княжьих стремennых выдали. С бедным приданым позориться не нужно было.

Как собрали малую дружину, княжич повёл всех вперёд, оставив обозы на месте. Плелись до несчастной деревушки хоть и недолго, но с тяжкими думами. За весь путь никто ничего не спросил, ибо боялся попасть под горячую руку, а сам княжич молчал, аки сыч насупленный.

Заприметили нас издали, особливо княжича, что в ярком красном плаще был, а на голове шлем с полированной личиной. Земли спокойные здесь, и окромя небольшого частоккола вокруг десятка домов никакой другой защиты не имелось.

На древке хоругвь развивается.

Плёлся я, а после стоял у деревни позади всего войска, посему не слышал, о чём с деревенским головой разговаривали, но вот Ратибор закричал злобно, видать, грубо ответили ему, раз опять взбеленился. Хотя у него норов такой, что и косого взгляда достаточно, чтоб с пеной у рта ругаться

начал.

– Ты кому дерзишь, падаль?! – донеслось до меня.

В ответ было лишь неловкое бурчание.

– Да никак не дерзновею, княже, но у нас последние три коровы остались. И кобыла одна на всю деревню, – разобрал я.

Упасть бы мужику в ноги с плачем и причитаниями, может, и обошлось бы, ну а сейчас княжич выхватил свою плётку, прыг с седла и давай деревенского голову ею бить.

Я подался вперёд, хмуро глядя на происходящее. Старик корчился на земле, безуспешно пытаясь прикрыться руками, а совсем сошедший с ума от злобы и ярости Ратибор бил его и бил. На холщовой рубахе выступила кровь. Тяжело дышащий княжич остановился только тогда, когда деревенский голова затих и перестал дышать.

– На кол! Всех на кол! Чтоб другим неповадно было! – заорал вдруг Ратибор и плюнул на тело.

Дружинники все как один вздохнули и опустили взоры, а потом начали спешиваться. Не по сердцу сие было, но воле княжеской противиться не хотелось никому. Лишь один из самых старых дружинников снял шелом и подошёл к Ратибору и что-то прошептал на ухо. Княжич не дослушал и со всей силы ударил кулаком своего помощника, отчего хрустнуло и у воина из носу кровь пошла, заливая кольчугу и толстую стёганную рубаху под ней.

– Я сказал, на кол! – снова закричал княжич, завертев-

шись, как ужаленный шершнем в хвост пёс.

Из-за частокола донеслись визги и плач, кто-то надрывно причитал, а кто-то громко проклинал выродка кровавого.

– Там же дети малые да бабы, – под нос буркнул я, но Ратибор услышал.

– Дети и бабы?! Там суки блохастые да щенки полудохлые! Это животные, которые в дерьме рождаются, в дерьме ковыряются всю жизнь и в дерьме подохнут. Это скот безродный, как и ты, ублюдок. На кол их!

– Сам ли давно таким был? – буркнул я снова, отчего Ратибор аж дар речи потерял.

Как он не любил поминать, что из робичей, аж побелевшие губы от злости затряслись. Он стоял сперва словно язык проглотил, а потом вдруг лицо исказилось недоброй улыбкой.

– А вот ты самолично пойдёшь и перережешь этот скот. Ты же любишь княжью дичь бить? Любишь перечить? Вот и держать тебе ответ.

Я поглядел на частокол, снял шелом и шмыгнул носом.

– Прости, княже, не буду перечить. И дичь без дозволения не буду бить.

– Поздно, – прорычал в ответ Ратибор, – а не пойдёшь, на цепь тебя самого посажу, язык вырежу, и будешь вместо медведя у скоморохов плясать. Мать твою да сестёр вся дружина насиловать будет у тебя на глазах, а как натешатся, в выгребной яме утоплю.

Я дёрнулся вперёд, положив руку на меч, но прихвостники княжича оцетинились копьями, и не осилю я бой один супротив трёх десятков. И угораздило меня в такую оказию попасть. Ведь я даже не из его дружины, а старика князя, просто за мехом по деревушкам пошёл, на ножи и наконечники стрел выменять решил. Прибился к обозу, чтоб не одному быть. Воевода отпустил, сказав, что каждый воин в походе не лишний, а вон как обернулось. И ведь сдержит слово этот подлец, снасилит и утопит, даже если убьют меня сейчас эти ратники. А князь не будет с сыном ссору вести из-за смутьяна.

– Твоя воля, княжич, – процедил я и, развернувшись на месте, достал меч.

Шаг к деревне, два, три. Дальше всё как в тумане. Всё лоскутами, словно открою глаза на миг, гляну на ужас и снова закрою. Лишь крики и плач. Не помню ничего толком. Даже как ворота выбил, не помню, а рассказать уже некому было.

А ещё проклятия помню.

«Ни жив ни мёртв ты будешь. Ни зверь, ни человек будешь. И вовек тебе не смыть кровь человеческую со своих рук. Вовек смерти искать будешь, но не найдёшь её. Вовек муки страшные тебе будут, покуда прощения не заслужишь. Именем Велеса проклиная тебя!»

Этот голос набатом бил в моей голове и словно старался разорвать её на части. Он звучал и звучал, а когда смолк, его потихоньку слабеющее эхо причиняло мук не менее, чем

раньше.

– Убейте их всех! – стоял в ушах голос Ратибора.

Я едва узнал его сквозь проклятия и крики. Равно как и едва узнал злой хохот княжича.

И перед внутренним взором встало растерянное лицо человека с намокшей куцей бородкой. С уголка рта стекает кровь и капает мне на рукавицу. Слепшие глаза более ничего не видят, но в них читается вопрос: «Почему?»

Помню, смотрю я в эти глаза, а потом легко бросаю отрубленную голову в кучу таких же голов, мужских, женских, детских.

– Будь ты проклят, выродок поганый! – истерично кричит женщина, которую я пинком опрокинул на землю, а потом со стиснутыми до скрипа зубами несколько раз ударил, заставив череп треснуть и обнажиться мешанине из серой и красной гущи.

– За что?! – истошно заверещал тощий мужичонка.

Он пытался встать, но лишь в испуге елозил и скользил ногами по кровавой грязи, отчего только ползти и получалось.

– Князь приказал, – тихо ответил я, а потом ткнул мечом. Самым кончиком, но этого хватило, чтоб пробить горло.

И в глазах его читалось: «Будь ты проклят!»

Я словно хмельной шёл меж трупов.

«Будь ты проклят! Будь проклят!»

Слова всё били и били в голове. Они блуждали во тьме,

которая на меня вдруг навалилась. В которую я окунулся, как в омут. Почему князь приказал, а проклинали меня?

«Проклинаю!»

«Почему я?»

Осознал я себя лишь стоящим за стеной пылающей деревни, весь в крови, да внутри пустота. И этого гад ухмыляется. А в голове эхом голос: «Именем Велеса проклиная! Ни зверь, ни человек! Ни жив ни мёртв!»

Кровь горела в жилах, словно туда расплавленный свинец залили вместо багряного сока. В висках стучало, и в глазах резь.

Сердце с шумом билось в груди. Тук-тук-тук.

Мир медленно терял цвет, будто его заметало угольной пылью.

Тук-тук-тук.

Гарь крупными чёрными хлопьями садилась на серую от пепла траву.

Тук-тук-тук.

Я поднял дрожащие руки, орошённые кровью детей и женщин.

Тук-тук-тук.

В небе с шумным карканьем кружило испуганное воронье, смешиваясь с гулом пламени и треском сгораемого дерева.

Тук-тук-тук.

Пожарище домов роняло на вечернюю землю дрожащие тени, догорающее солнце стыдливо пряталось за лес.

Тук-тук-тук.

Княжич, стоявший с ехидной ухмылкой, вдруг изменился в лице, став бледнее мела. Глаза его расширились в ужасе, а дружинники схватились за оружие.

– Убить его! – истерично закричал Ратибор, тыкая в мою сторону пальцем.

Со свистом сорвались с луков стрелы, пробив мою кольчугу и войдя в плоть. Но я не почувствовал боли. Я наклонил голову и тихо зарычал, а потом пошёл вперёд. Пошёл убивать.

Я слышал ржание испуганных коней, ринувшихся врассыпную. Слышал ругань воинов, но не понимал ни слова. Один из ратников захотел ударить меня копьём-рожом, с коим на кабана ходят, но я перехватил у самого наконечника и потянул на себя. Ратник не удержался на ногах и подался вперёд. Мелькнуло перекошенное лицо, а следом я перехватил за запястье и ударил ногой в живот. Воин отлетел назад, а оторванная рука вместе с копьём осталась у меня в стиснутых пальцах.

Дружинники стреляли в меня, покуда я не стал похож на ёжика, но я всё ещё жив был, и с силой бросил рожон в одного из дружинников. Копьё вошло в защищённое тело до середины и отбросило человека на десяток шагов.

Они все пытались бить и колоть, а я ударял в ответ, отрывая головы, руки и ноги. Я не рассуждал в сей миг, как не рассуждает дикий зверь, лишь kloкочущий рык исходил из

моей груди.

Я бил, а сумеречный лес оживал сотнями голосов. Из каждой норы, из-за каждого дерева на меня смотрели они, те, кто жил здесь задолго до человека, те, кто есть суть и воплощение бытия. Духи.

Я бил, я ломал мечи и копья ладонями, я разрывал кольчугу голыми пальцами, я выдёргивал из себя стрелы и втыкал в человечесьи лица, а лесные обитатели окружали меня.

– Он проклятый! – ревела и пищала многоликая тьма.

– Он наш! – пели лесовики и лесавки.

– Ярополк, иди к нам! – кричали звери и птицы.

Я взял молящего о пощаде Ратибора правой рукой за горло, приподнял над землёй, а потом сделал несколько шагов и насадил на острый сук. Он плакал, стонал и корчился от боли, но я не понимал его слов. Лишь пальцы левой руки моей сжимали мешочек с византийскими монетами и висюльками. Это всё, что осталось человеческого во мне.

– Ярополк. Ярополк. Ярополк, – шептал лес моё имя бесчисленной листвой.

Я оглянулся на пожарище и шагнул во тьму.

Я шагнул во тьму на целую тысячу лет.

Глава 3. Пробуждение

Это был тяжёлый сон, странный и долгий, оставляющий после себя ощущение бесконечного кошмара, из которого нельзя вырваться. Кошмар о многих смертях и бесконечной ночи, разгоняемой только блеклым сиянием тонкого кольца чёрного навьего солнца.

Сейчас же, ощущая резь в глазах от ярчайшего света, пробивающегося сквозь веки, и слушая приглушённые голоса, я вспоминал этот сон.

Мне приснилось, что я убил княжича. Снилось, как он висел на суку, наколотый, подобно туше свежепойманной дичи на крюке. Снилось, как я снимал с княжича кожу, и он вопил до того самого мига, пока я не начал вырывать зубами его печень. Странно, что он был жив, ведь я видел, как кочевники снимают кожу с пленных, дальше руки или ноги никто не выдерживал, умирал от боли.

Мне снилось, как я, стоя пред огромным, тысячелетним дубом, сияющим золотым огнём, отрывал головы у попавшихся на пути степняков, я просто складывал их в рядок связанными, а потом наступал на спины и дёргал. И сам не знал, откуда силищи столько, да и не любопытно сие было. Есть сила, значит, так надобно. Помню крик одного из них: «Урус, не нада! Пожалюста!». Я же рвал и приговаривал: «Сие есть мой лес».

Мне снилось, как люди в странных одежах громыхали колдовскими палками, источающими дым и огонь, пытаюсь напугать меня. Они кричали на незнакомом языке нечто похожее на: «Гардез ле ордре де комбат! Тирез сур се демон!» А вскоре молили о пощаде и сыпали проклятиями, ибо я выходил из зимней тьмы леса на свет костра и утаскивал их одного за другим, не обращая внимания на грохочущее оружие, и там, во тьме, убивал.

Мне снилась большая громыхающая телега, похожая на обитый серым железом гуляй-город. Воины, сторожившие её, тоже гортанно кричали перед смертью и показывали в мою сторону пальцами. «Бринг шнеле ум дизен фадамте шайзе!»

К горлу подкатил ком тошноты, но не было сил шевельнуться. Даже открыть глаза не получалось.

Слушая странные голоса, я пытался отогнать от себя этот дурной сон, ибо при всей нелюбви к княжичу не мог такого сделать. Вызвать на оружный поединок или же кулачный бой мог, а выпотрошить вот так, как зайца... нет, не мог. И пленных я никогда не пытал. Но во сне лес шептал о жертвах, и я преподносил ему их.

– Под Воронежем нашли, – бубнил меж тем голос, снова врываясь в сон. – Он поисковика в муравейник лицом ткнул, и всё спрашивал, по чьему наущению тот его преследует. Всё спрашивал, не из челядей ли тот некого Ратибора. Если бы не Иван Семёныч, то без жертв бы не обошлось.

– Да уж, – отозвался второй голос, – сломать челюсть матерому боевому магу, это ещё умудриться надо.

Сон не хотел отпускать, затягивая в свои глубины, и говорящие пропали в небытии, а я, как и прежде бродил по лесу, не разбирая дороги. «Ярополк, будь мой», – нежно шептала лесная чаща, и я, не смея противиться её зову, да потеряв счёт времени, с безразличием наблюдал за копошащейся во мраке лесной нечистью, моими названными братьями и сёстрами. И сам я был тварью, не принадлежащей ни миру живых, ни миру мёртвых. Как чудище лихое питался сырой дичью и лежал в берлоге под выворотнем вековой сосны, родившейся, выросшей и умершей на моих глазах.

«Ты мой суженый», – мягко шептала листвою и хвоею роща, лаская ростками папоротников и мягким мхом. День сменялся днём, год сменялся годом, век сменялся веком. Лишь стареющая чащоба, шёпот лесных обитателей и мельчающее чёрное солнце.

Солнце. В какой-то миг оно вспыхнуло нестерпимо и замерло совсем близко, подобно ярчайшей лучине, зажжённой в избе. Но свет был холодным, неживым.

– Егор Олегович, – ворвался в мой сон голос, слышанный раньше.

Хотя, не сильно-то я и слушал голоса тех, кого предстояло убить.

– Да, – ответил тому ещё один.

– Что нам с ним делать? – этот был полон беспокойства,

словно поймали медведя живьём и не знали, что с ним делать.

– Пусть сначала в чувство придёт. Самые базовые знания современного языка я ему вложил и вшил в его биополе интерактивный справочник, но он без практики – пустое место.

– А получится? Это же экспериментальная технология, ну, крепить служебных фантомов к простым людям.

– Вот и посмотрим.

Я лежал и слушал. Почему-то для меня это было очень-очень важно. Да, важно, но сон не хотел отпускать, подсовывая вместо яви свои образы.

Голоса стали приглушёнными и далёкими, как гомон летящего на юг птичьего косяка, а яркий свет, режущий глаза, превратился в горсть углей на ладонях. Они пылали столь сильно, что были белыми. Даже в кузнечном горниле не имелось столь жаркого пламени. Но в то же время оно не обжигало моих рук. И с этим огнём в дланях я стоял на присыпанной снегом поляне и смотрел на вырванные из мрака сонные берёзы, на нахохлившиеся в ожидании весны ели, на замершую в недоумении нечисть, на розовые от крови сугробы. А передо мной была хозяйка этого леса, нагая, бесконечно прекрасная и печальная. Дева сняла с головы венок из подснежников, глянула на меня глазами, пылающими чистейшей зеленью, и подошла ближе. Она возложила мне на голову сей венок, обняла и прошептала на самое ухо: «Твоё проклятие сна беспробудного исполнено, Ярополк. Тебе по-

ра проснуться. Тебе пора к людям. Иди и искупи свои грехи до конца. Иди, но не забывай нас».

Дева подарила долгий, пахнувший можжевельником и полный бескрайней горечи поцелуй, а затем сделала шаг назад и кивком показала мне за спину. Я опустил глаза на сжатые в ладонях угли, а потом обернулся. На краю поляны стояла полуземлянка с приоткрытой дверью. Из всех её щелей бил такой же яркий свет, что источали угли в моих руках. А угли вдруг вспыхнули сильнее молнии в ночную грозу и погасли, став горстью серебряных монет и заморскими висюльками. Я посильнее сжал своё сокровище, выпрямился и решительно шагнул на свет землянки.

Мягкая сила заставила меня пройти внутрь, где ходили две безликие тени. Одна тень, молодая, худая, сутулая, с большими, как у совы глазами, сидела на скамье за столом и перебирала грамоты, а вторая, средних лет, невысокая, со светлой головой, источающая немалую чародейскую мощь, ходила по землянке и пила горячий травяной отвар из бачлажки.

Первого звали Никита, а второго – Егор Олегович.

Сила заставила меня лечь на большую лавку, мягкую, укрытую белоснежной простыней. Сила заставила закрыть глаза и не шевелиться. А потом сила выдернула из сна.

– Вот блин, – произнёс беспокойный голос первого человека, Никиты. – Он же совсем дремучий. Радиоуглеродный анализ вещей позволяет датировать примерно десятый век.

Как раз в это время крещение Руси происходило.

– Ну, всякое бывает, – с ухмылкой ответил Егор Олегович. Раздалось шуршание, словно кто сухие древесные листья мял.

– Значит, состояние тела отличное, – снова пробормотал он. – Состояние вещей, кроме ювелирных украшений – крайне неудовлетворительное.

– Нежить? – переспросил первый, хотелось обозвать его дьяком.

– В том-то и дело, что нет, – ответил тот, кого звали Егором Олеговичем. – Человек. На нём проклятий висело, как блох на бродячей собаке. И ведь не снимешь разом, за одно потянешь, другие неизвестно, как себя поведут. Я вычленил классическое проклятье берсеркера, хорошо известное ещё с неолита. Чары завязаны на уровень адреналина, так что я поднял порог срабатывания, насколько возможно. Это позволит избежать активации в обыденности, а то он устроит бойню в метро в час пик. Потом на нём тоже хорошо знакомое любому чародею проклятие спящей царевны.

– Хороша же царевна, – усмехнулся Никита, и мне страсть как захотелось приоткрыть один глаз и взглянуть на неведомых собеседников, но сил не было и приходилось лежать смирно, аки свернувшийся клубком ёж.

– Никита, не смешно. Я сам в первый раз вижу, чтоб такое к мужикам применяли, обычно красных девиц проклинали.

– Он около тысячи лет в состоянии сомнамбулы провёл,

не сошёл ли с ума?

– Не знаю. Для него это время могло просто выпасть из восприятия. Если так, то его словно на паузу поставили. Но если проклятие было по венгерскому типу, то да, крыша давно уже не на месте, – огрызнулся Егор Олегович. – В любом случае, оно свершённое и дважды не сработает. Остальные проклятия я не смог идентифицировать.

Чужое слово «индетипировати» сперва выпало из общего понимания, а потом стрелой вонзилось в голову. Идентифицировать – познавать, вот что оно значило.

– Может, определить его в ваш потусторонний батальон? А то вон какой здоровяк. Метр восемьдесят пять и косая сажень в плечах. Не Илья Муромец, но всё же.

– Никит, – со вздохом произнёс Егор Олегович, – Муромец был на пять сантиметров ниже, хотя и потяжелее немного, так что, если бы они с Ильёй пересеклись, ещё неизвестно, кто победил бы. Это сейчас акселератов много. Тогда же его габариты были просто выдающимся.

Я лежал и слушал. Не след сейчас встречать. Пусть думают, что сплю. Говорили они странной речью, но слова я неведомым чудом понимал. Лишь изредка они запаздывали в мою голову, словно невидимый толмач водил пальцем по бересте, ища каракули, а потом всё же находил и шептал на ухо.

– А батальон из эксперимента стал регулярным подразделением. Требования ужесточились. Поэтому без дополни-

тельной проверки не могу. Пусть обвыкнется сперва. Ты его Вась Васю покажи.

Рядом что-то зажуужало, как сердитый майский хрущ, и Егор Олегович начал говорить, обращаясь к ещё одному собеседнику.

– Подполковник Соснов, слушаю. Да. Да. Нет. Сейчас буду.

Он зашуршал одеждой и вышел, тихонько прикрыв за собой дверь. Было слышно, как едва заметно скрипнули петли.

Оставшийся в одиночестве дьяк, а чутьё подсказывало, что это именно дьяк, зашуршал листами, как до этого Егор Олегович, но делал сие долго. Очень долго. Потом начало что-то мягко и быстро стучать и щёлкать. Словно малая птаха по коре дерева клювом.

– Сохранить как, – пробормотал под конец дьяк, – русич минус десять. Интер.

Он ещё раз стукнул и тяжело вздохнул. Что-то загудело и зашуршало теми же листами.

– Как мне звать-то тебя? – снова вздохнул мужчина, взяв что-то со стола и отхлебнув.

– Ярополк, – непослушным после длительного молчания басом произнёс я и открыл глаза.

Яркий неживой свет лился с потолка, словно через слюду или бычий пузырь, заливая небольшую клеть. Стены были белыми и чистыми. Окна отсутствовали. В одном углу стоял большой белый короб с дверцей. Никита действительно ока-

зался молодым парнем, одетым в белую длиннополую рубаху, из-под которой виднелась ещё одна, светло-серая. На ногах синие льняные штаны и кожаные обувки. А то, что казалось совиными глазами, было на поверку стёклышками, вдемыми в опущенный на уши и нос ободок. Через сей хитрый предмет и поглядел на меня Никита.

Парень сразу схватил со стола небольшое чёрное зеркальце и, ткнув в него пальцем, приложил к уху.

– Егор Олегович, он очнулся. Что значит, сам? Да нафиг мне страховка, если он мне голову оторвёт? Ладно, я понял.

Никита тоскливо вздохнул, поджал губы, а потом положил говорящее зеркальце на стол рядом с небольшим, ярко сияющим витражом. Цветными стёклышками меня не удивить, видел в Царьграде. А ещё на столе я увидел горсть своих монет и висюльки, не иначе, покуда спал, взяли.

– Ну, здравствуй, – произнёс парень, – меня зовут Никита. Я кивнул и облизал пересохшие губы.

– Ты проспал тысячу лет, – продолжил мой собеседник, явно не зная, что говорить и спрашивать.

– Воды, – произнёс я, а потом сел.

И только сейчас заметил, что одет в белую рубаху, похожую на ту, что была поверх одежды у Никиты. А под ней лишь голое тело.

Парень быстро встал, подошёл к белому коробу, открыл дверцу и достал оттуда хрустальный сосуд с узким горлышком. Никита открутил крышку и протянул сосуд. Вещь ока-

залась действительно сосудом, но не из хрусталя, а из чего-то податливого, словно слюда. И оно было холодным, аки вешний ручей.

Я вмиг опорожнил его и только после этого смог говорить.
– Тысяча лет.

Это не казалось шуткой. И сны не были просто снами. Я вспомнил видение с хозяйкой леса. «Твоё проклятие исполнено, Ярополк. Тебе пора к людям. Иди, но не забывай нас».
– Тысяча лет, – повторил я.

Перед глазами промелькнули лица матушки и сестёр. За это время все они давно умерли, и хотелось надеяться, что прожили они долгую и счастливую жизнь, а род наш не прервался. Я с грустью вздохнул. Через тысячу лет никто не сможет даже сказать, что с ними случилось. Но ежели поглядеть с другого боку, то и князь, который мог захотеть мстить за сына, давно почил в небытии, да и сами мои прегрешения стёрты из людской памяти.

– Тысяча лет.

Я поглядел на витраж Никиты, на котором ровные строчки незнакомых буковок сами собой сменились зелёным-зелёным лугом под синевой чистейшего неба; на говорящее зеркальце; на белый короб-ледник со слюдяными горшочками; на ярко сияющий потолок. Всё новое, и далее чудес может быть только больше. Новый мир. Новая жизнь.

Я резко встал, отчего Никита испуганно подался назад.

– Не бойсь, не ударю, – произнёс я и взял со стола своё

сокровище. – Тысяча лет. Хочу всё увидеть своими глазами.

– Тебе пока нельзя, – пробубнил парень, – нужно тебя показать психологам, провести медосмотр и ликбез. Приёмная комиссия по соадаптации нечисти...

– Я что, нечисть, что ли? – прорычал я, поняв только это слово, и парень заозирался, словно ища путь к отступлению.

Но если сны мои правдивы, то действительно нечисть, но этот... Егор Олегович который... он сказал, что я человек. И я должен оставаться человеком. Не хочу быть снова дикой тварью.

– Нет, но, – Никита снова схватил зеркальце и начал разговор, быстро тараторя, – Егор Олегович, он уйти хочет... Но ведь протокол... Ладно, сейчас скину Вась Васю.

Я, шатаясь на непослушных, словно с похмелья, ногах, подошёл к коробу-леднику и потянул за дверцу, как это делал мой собеседник. И стоило прикоснуться, как прямо в ухо зашептал невидимый толмач.

«Холодильник – сие есть исполненная ремесленниками вещь, сие есть нужен для охлаждения и заморозки яств и питания, дабы уберечь их от гнили и тлена».

Я замер и медленно обернулся. Кроме меня и Никиты в тереме никого не было. Но я явственно слышал голос над самым ухом. Неужто, домовой чудит.

– Кто здесь? Покажись!

Парень тоже обернулся в недоумении, а потом усмехнулся.

– Что зубы скалишь? – огрызнулся я, а Никита поперхнулся, поправил стекляшку у себя на носу и ответил.

– Проведи ладонью сверху вниз и произнеси «включить визуализацию».

Я поджал губы, и всё так же с опаской оглядывая терем, сделал, как велел Никита. Стоило произнести последнее слово, как рядом со мной вспыхнула яркая точка, быстро превратившаяся в небольшого старика с густой шевелюрой и пышной белой бородой. Тот был одет в белую рубаху, подпоясанную обычной пеньковой верёвкой с разлохмаченными концами, и серые порты, заправленные в чёрные сапоги с подвёрнутыми голенищами. Но самым примечательным было то, что старичок вышел размером с ладонь и держал книгу величиной с половину своего роста. Старец молча глядел на меня серыми глазами, нахмутив густые белые брови.

– Кто это?

– Тебе попроще или расписать исходный код?

– Ты не шуткуй.

– Это рукотворный фантом-переводчик. Он тебе помогать будет.

Я молча пялился на толмача, а потом внутри проснулось забытое чувство озорства. Оно тёплыми волнами поднялось от сердца, заставив губы расплзтись в улыбке. Прожив тысячу лет среди нечисти, я не боялся оную, но никто из живущих вне времени никогда не служил мне. Пусть и в долгом кошмарном дурмане проклятого сна, но они были мне

названными братьями и сёстрами, а тут настоящий холоп.

Я быстро шагнул к столу Никиты, отодвинув испугавшегося парня, и притронулся к небольшому белому коробу с торчащими из большой щели белыми ровными листами аккуратно подрезанной бересты. Наверное, бересты.

– Что это?

– Принтер, сиречь выполненная ремесленниками вещь, надобная для нанесения на бумагу букв и рисунков, – тут же отозвался подплывший по воздуху ко мне толмач.

– А это? – спросил я, прикоснувшись к витражу.

– Монитор, сиречь выполненная ремесленниками вещь, предназначенная для показа букв, рисунков и прочего цифрового контента, генерируемого приложениями.

– Чего? – переспросил я, не поняв и половины сказанного.

– Это пока только пробная версия, – виновато пробубнил Никита, – он постоянно обновляться будет.

Я прикусил губу и оглядел терем в поиск ещё чего-то необычного, чтоб вести спрос с толмача, но вместо этого глаза наткнулись на стоящего у двери человека с большой котомкой в руках. Он был пухлым и при этом очень бледным. Серебристые, словно седые, волосы коротко стрижены. Губы синие, как у мертвеца, а на носу висел обод, похожий на тот, что носил Никита, только вместо выпуклых стёклышек в нём была широкая фигурно резная жёлтая слюдяшка.

– Очки горнолыжные... – начал толмач, перехватив мой взгляд, но я шикнул, и старичок сразу смолк.

И вправду холоп учёный.

– Вась Вась, заходи, – раздался сзади радостный голос Никиты.

– Не Вась Вась, а Василий Василич, – с некой напускной важностью произнёс вошедший и улыбнулся.

Блеснули острые клыки. Сие есть не человек.

Глава 4. Вась Вась

В повисшей тишине я глядел на ухмыляющегося нелюдя, а он, в свою очередь, не отводил взора от меня, держа в руках какой-то свёрток. Даже не видя его клыков, я чувал в нём некое сродство с живущими вне времени. Как чувал, что дьяк Никита – простой смертный. Воистину сказки правду глаголят, когда твари лесные стоят на краю своих владений и молвят, мол, чую, русским духом пахнет. Наверное, я мог быть подобен псу, идущему верхним чутьём за зверем.

И это читалось в глазах Вась Вася, сокрытых за цветными слюдяшками. Он вздохнул, сделал несколько шагов и положил свёрток на лавку поверх покрывала.

– Я тут шмоток немного прикупил. Должны быть впору, – произнёс он, а потом начал выкладывать вещи из необычной ткани. – Чуть позже возьмём что-то попрличнее, но это надо на месте мерить.

– Ты его как гопника одеть в треники решил? – вмешался Никита, сидя, поджав ноги, на своём месте.

– А ты думал, я его вот так вот, по СМС снаряжу? – огрызнулся Вась Вась. – Ты же только ростовку скинул. К тому же я на мели сейчас. Сам знаешь.

– Ну да, – согласился дьяк.

Я же молча глядел то на одного, то на другого, решив пока пойти на поводу этих двоих. Даже по холодильному сундуку

и живому витражу можно судить, что мир очень сильно изменился, и потому нужно сперва разобраться, что к чему. А потом можно и в странствие податься, в тот же Царьград, к слову, можно и шеи свернуть этим двоим.

– Знаю, – ухмыльнулся Никита, и поглядел в чёрное зеркальце, которое пискнуло, как крохотный лягушонок, и засияло ярким узором. – В общий чат скинули, что Перуницы гонят какого-то неведомого шмакозябра по Алому проспекту в сторону автовокзала. Они сейчас в пати с Тролобоями. Монстра в ловушку загонят. Там уже и пресса прибыла, и полиция оцепление выставила. Скорую на всякий случай вызвали.

– Без меня, сука, – процедил Василий, нервно помяв свёрток в руках, – Нужно срочно набирать группу, а то всех клиентов растеряю.

Нелюдь поднял на меня глаза, прикусил губу, а потомглянул на дьяка.

– Они в онлайн транслируют?

– Угу.

– Высвети.

Никита повернулся на своём стуле и щёлкнул пальцами по доске с буквицами, потом повёл ладонью небольшой полукруг по столешнице. «Клавиатура», «манипулятор мышь», – услужливо прошептал крохотный толмач, а я вздохнул. Нет от него проку. Самому нужно грамоту вести, что есть что.

Тем временем, большой витраж ожил. На нём, словно с

высоты птичьего полёта, отобразился дивный город. Дома уходили вверх, как дозорные башни, и иные даже царапали облака. По серой гладкой дороге, среди странных разноцветных больших жуков, бежала огромная чёрная тварь, перебирая десятками коротких, но очень проворных коленчатых ног. Она была похожа на многоножку-кивсяка, разве что размеры сродни длинному амбару.

– Здоровый, как трамвай, – пробурчал Никита, словно прочитав мои мысли, хотя, что такое «травай», я не знал, но, видимо, что-то большое.

– За него столько бабла отвалят, что можно месяц на охоту не ходить, – пробурчал Василий, глядя на это зрелище исподлобья. – И опять без меня.

– Ну, ещё бы, – усмехнулся дьяк, – банкам проще выдать награду за монстра, чем страховку платить всем, у кого тачки поматы.

Многоножка, уподобившись тарану, влетела в небольшое здание, выбив дорогушие стёкла, и превратив в кучу хлама саму избу.

– Во, что я и говорил. Был ларёк с шаурмой, и нет его, – усмехнулся Никита.

Тем временем, картинка на витраже сменилась. Теперь она показывала то, что мог видеть некий человек, бегущий по городу. В нашу избу сразу ворвались неведомо откуда взявшиеся девичьи голоса, суетливо кричащие что-то друг другу. Я глядел на всё это словно замороженный. Большие

жуки оказались с дверцами, стёклами и колёсами. Дома оказались ещё выше, чем я думал, а дорога ровнее. Всюду яркие вывески, от которых запомненный мной Царьград теперь казался просто пыльной деревней. Везде мраморная плитка, огромные стёкла с невероятно большими зеркалами, позолота и натёртое до блеска железо. Роскошь города поражала.

– Соколина! – орал неведомый звонкий голос, перемешанный с тяжёлым дыханием. – Этого урода калаш не берёт!

Следом раздался треск, словно громадный дятел лупил по исполинскому дубу. Та-та-та!

– Семь шестьдесят два тоже нуль! – отозвался другой звонкий девичий голос, также смешанный с быстрыми вдохами и выдохами. На витраже мелькнуло нечто ярко-красное, на двух колёсах, громко режущее. А в его седле всадник с большим блестящим шлемом. – Я попробую в упор! – перекрикивая рёв чудесной вещи, проглаголила третья девушка.

Было видно, как двуколесник, неведомо как не падающий набок, замедлился, поравнявшись с головой твари, и всадник, хотя вернее будет сказать, всадница вскинула руку. Что-то быстро-быстро затрещало, и чудище утробно загудело, как болото порой гудит, а потом начало сворачивать право.

– Есть! Я его по центру держать буду!

Они гнали тварь вперёд, и даже дурному было понятно, что там его ждала засада. Но всё же я не мог оторвать взора. А когда витраж снова показал всё с высоты, затаил дыхание.

Чудище приближалось к мосту, столь огромному, что я даже представить себе не мог. А возле моста на пути создания стояли одетые в странную броню воины. Один из них вскинул большое полое полено, и то вдруг изрыгнуло пламя. В многоножку попало огненное жало, грохотнув яркой вспышкой. Тварь остановилась и встала на дыбы, шевеля жвалами.

Ещё один воин вдруг поднял ладонь, и с руки сорвалась белая молния, поразив голову чудища. Существо начало неуклюже разворачиваться, с громким скрежетом подмяв под себя несколько колёсных жуков.

– Добиваем! – кричали голоса из витража.

Сверкали молнии, громыхали неведомые погремушки, и вскоре создание упало на серую дорогу, заливая ту потоками зелёной крови. А я глядел и не мог оторваться, и даже не сразу понял, что Вась Вась мне вопрос задал.

– Ты как к вампирам относишься? – произнёс он, потирая кончиком пальца нос.

– Чего?

– Ну, упырей сильно недолюбливаешь?

Я открыл рот, чтоб обозвать этих существ выродками бытия, но вспомнил, как сам снимал кожу с людей.

– Никак.

– Вот и ладненько, – с кивком ответил Вась Вась. – Работать у меня будешь?

– Кем?

– Ну, ловцом всякой нечисти.

Я поглядел на витраж, где яркая картинка города сменилась белой грамотой с чёрными буквицами. В голове зародились мысли. Что я мог в этом безумном мире? Ратоборствовать? Не думаю. Вон они чем воюют, я даже не видел сего оружия никогда. Торговать? Не думаю, что знаю справедливую цену даже обычному хлебу. Даже в Царьграде меня купцы несколько раз обманывали, а тут и подавно облапошат, аки младенца. Лес валить? Зерно растить? Не по мне это, батрачить. Зато чудищ разных бить можно. Раз сам чудище, то и с другими справлюсь.

– Пойду, – кивнул я, а потом махнул рукой, решаясь окончательно, словно в омут с головой прыгая. – А чего ж не пойти. Токмо я сам хочу во всём уразуметь смысл и толк.

– Замечательно, – произнёс Василий, – сам так сам.

Он сунул мне какую-то серую тряпицу, вынутую из свёртка. Я принял вещицу и покрутил в руках. Больше всего она походила на очень короткие порты.

«Сие есть трусы, – тут же подсказал толмач, прошептав на ухо, – сие есть исподнее».

Исподнее так исподнее. Я растянул тряпицу, а потом скинул с себя длинную белую рубаху, оставшись нагишом. А чего стесняться-то? Здесь баб нет, чтоб они визжали и разбегались, боясь за свою честь.

Исподнее я надел быстро, но при этом сразу удостоился насмешки со стороны Вась Вася.

– Угу, сам. Ты их задом наперёд одел и шиворот-навыво-

рот. Блин, не был бы я в том дерьме, что сейчас, даже не думал бы тебя взять. С тобой геморроя будет больше, чем с иным троллем.

Я поднял взгляд на Василия. Упырь он везде упырь, но сейчас в словах этого умертвия сквозило то же, что и в речах Ратибора, убитого мной. Нехорошо так просквозило. Захотелось взять этого толстяка за горло и прижать к стене.

– Ну да ладно, – продолжил Вась Вась, – мы сделаем из тебя человека.

Он достал из свёртка синюю, как чистое небо, рубаху и приложил к моей груди, привередливо рассматривая, впору ли одёжа будет. А я уставился ему в глаза, скрытые за жёлтой слюдяшкой. И покуда глядел, наваждение стояло, как утренний туман. Глаза у него не как у убиенного княжича, а скорее, как у ключника княжеского. Тот тоже всё ворчал и ворчал, но приди к нему с просьбой, последнее отдаст. Хотя поворчит знатно, проклиная всё на свете. А пьяный, так вовсе любил на сеновале улечься, уставиться в небо и рассказывать байки, то как он к девкам в баню ужа запустил, да то, как из степняцкого плена бежал. Помню, ляжем мы с соседскими мальчишками рядом с ним, а он долго и похабно про Царьград рассказывал, мол, девок что за сиськи, что промеж ног за серебрушку шупать можно. Или как он лошадь полосатую видел, мол, из Ягипта привезли. От самого хмельным разило, а мы, раскрыв рты, слушали до самой ночи, а ещё и спорили, что не бывает полосатых лошадей. Ключник тоже

молвил, что до утра пытался отмыть краску, но не отмыл и проспорил целый золотой, а его ещё и на смех подняли. Может, потому после смерти Жданы и батюшки я и подался в Царьград, что запали мне в голову те сказки.

Я улыбнулся. Сможется с Василием службу нести. Стерпится. Но про всё новое сам буду узнавать. Чай, не дурная моя голова.

«Футболка», – прошептал толмач, когда я взял рубаху в руки.

«Штаны, носки, кроссовки», – перечислил крохотный дух всё, надетое мной.

– А большое ли жалование? – спросил я, потянувшись.

Ткань была добротная, тонкая. Такую ткань ни в Новгороде, ни в Царьграде на торжищах не видел. Разве что шёлк похож, но он всё же другой. И сколь стоять может, думать страшно.

– Тихо! Порвёшь! – повысил голос Василий, когда я развёл руки в стороны и сделал глубокий вдох. – Тоже мне, Конан-варвар нашёлся.

– А он и так Конан-варвар, – произнёс молчавший Никита. – Десятый век.

– Я Ярополк, – тихо прорычал, не зная, почему меня каким-то Конаном величают.

– Ну, мне что Егору Олеговичу сказать? – спросил дьяк, – брать будешь? А если нет, мне его в центр социализации сдавать придётся.

Я поглядел на Никиту, который сейчас говорил обо мне, словно о невольнике на рынке. Тем более о жаловании Вась Вась промолчал. Ну, даже если невольник, сбежать успею. Не впервой.

Упырь отошёл на несколько шагов, вытянул в мою сторону руку со стиснутым кулаком и оттопырил большой палец. После он закрыл один глаз и стал глядеть так, словно мерку снимал.

– Да беру, беру, – согласился он. – Пойдём.

Пухлый упырь с серебристыми волосами развернулся на пятках и направился к двери. Я оглядел напоследок белую клеть, в которой пришёл в себя, и последовал за ним.

– Халат оставь! Он казённый! – прокричал Никита, а я глянул на него и с улыбкой покачал головой, перехватив белую рубаху поудобнее.

– Не отдам.

Дьяк скривил рожу, словно кислого съел, а я засмеялся и пошёл по длинному межклетью, в котором было много разных дверей, и в конце начал подниматься по ступеням. Мне не зря приснилось, что пребывал в землянке. Мы действительно были под землёй, а над нами возвышался весь огромный дом.

Лестница кончилась, на выходе нас смерил взглядом стражник в странной одежде с тёмными и светлыми пятнами, а потом мы оказались под открытым небом. Это был двор, огороженный высоким рыжим забором. Не частоко-

лом, а сложенным из ровненьких кирпичей.

Я поглядел под ноги. Вместо земли мы стояли на чём-то сером и настолько сильно утоптанном, что двор ровненький, аки скатерть. И если виденные на мониторе-витраже дороги столь же ровны, то пожелание «скатертью дорога» сбылось спустя тысячелетие. По такому пути можно день идти и усталости не приключится. А ещё во дворе стояли те железные жуки с колёсами.

«Автомобиль, – прошептал толмач на ухо, – сие есть повозка крытая. Пользует горючую жижу для питания и движения. Жижа зовётся бензином. Использование тягловых животных исключено».

Я почесал в затылке. Как же это, без животины и едет? Да ещё и жижу горючую ест.

– Не стой столбом, – пробурчал Вась Вась, и подошёл к одной из повозок, зелёной, как болотина.

Он достал из портов ключ с чёрной висюлькой, а потом что-то сделал, и телега дважды громко пикнула, аки птица певчая в кустах. Василий открыл дверцу и похлопал по железу, как по шкуре животины.

– Это мой Барсик. Уазик-буханка. Неприхотливая машинка, хоть и ест бензина много. Ну, залезай.

Сам он прыгнул слева, схватившись за чёрное колесо и сунув ключ куда-то вниз. Барсик чихнул разок, словно большой пёс, а потом заурчал, как рысь. Стоило, наверное, удивиться, но я уже не мог. Я просто устал. И проклятия, и ты-

сяча потерянных лет навалились в один миг, лишив остатков сил и способности удивляться. Рассудок отказался принимать всё происходящее, ну телега с огненным нутром, ну дома до неба. Ну этот... толмач услужливо подсказал слово «асфальт». Всё равно.

Я увидел такую же дверцу слева и залез в неё, усевшись на обитом кожей стуле. Но стоило сесть, как толмач начал без умолку трещать слова невпопад.

«Рулевое колесо, приборная панель, спидометр, тахометр, педаль сцепления, педаль тормоза...»

– Хватит! – закричал я, схватившись ладонями за голову. – Умолкни!

Толмач и в самом деле смолк, а Василий с тоской поглядел на меня, а потом Барсик зарычал громче и покатился к воротам, которые начали открываться сами собой. Я даже этому не удивился. Рассудок подсунул одно единственное слово – колдовство. А раз так, то потом разберёмся.

– Я ведь не всегда вампиром был, – начал Вась Вась, как-то заговорщически, и этим снова напомнил ключника, заставив улыбнуться и опустить руки. – Я в Петрограде жил. Был репортёром на небольшом канале. Жена, две дочки. А потом сунулся, куда не следовало, покусали. Как очнулся, уже поздно было процедуру девампиризации проводить. Жена поплакала, а потом предложила уехать подальше. Вот я в Сибирь и подался. Я ведь почти всё, что зарабатываю, семье отправляю. С девочками моими постоянно связь держу, но я болен,

и потому лучше не рисковать.

Он говорил и говорил, а тем временем мы выехали на большую дорогу, где сновали сотни и сотни таких же огнебрюхих телег. Порой и такие встречались, что целую торговую ладью перегрузить можно, ещё и место останется, столь велики.

Он всё рассказывал о жаловании, о своём деле. Оказывается, город Новониколаевск огромен. Помнится, в Киеве было сто тысяч народу, а здесь полторы тьмы по великому счёту. В десятки раз больше. И город принадлежал не только людям, но и нечисти разной. И со всех сторон тянулись нелюди сюда. Порой, мирные, порой, не очень. Вот тогда и понадобились охотники на монстров. Иные с разрешений государя охотились ради денег, другие ради славы, но работы меньше не становилось.

Город был поделён на участки. Серединка принадлежала самым именитым отрядам, но ежели тварь или демон сильны, отряды сплачивались и били чудище сообща, деля славу и деньги поровну.

Забавным было то, что славу тут мерить научились. И меру лайкам называли. Сия новость заставила улыбнуться. Любопытно, сколько лайков бы я заработал в прежние времена, когда степняков бил.

Наш же участок на самой окраине. Но если Василий вскоре не наберёт людей, то участок у него отберут и отдадут другому отряду. Вот и торопится он.

– А почто дружина княжеская чудищ не бьёт? – спросил я, глядя в оконце на мелькающие мимо чудеса.

Им не было числа, и посему взор отказывался их принимать. Сам город был одним большим чудом.

– Ну, так, сейчас мода пошла такая. Называется «их там нет».

– Кого нет? – переспросил я, не поняв ответа.

– Ну, это для предотвращения политической напряжённости. Если полиция накосячит, то косяк падает на государство, а если частный отряд накосячил, то это вина отряда. Старые боги могут такую бучу поднять что мало не покажется. А так-то мы все на учёте состоим, и я каждый месяц отчёты строчу, патроны по накладной получаю. Но проще купить, а то ползай потом и ищи гильзы.

– Государь руки пачкать не хочет, – усмехнулся я, – не ново это. А что с твоим старым отрядом случилось? Полегли на поле брани?

– Да ну тебя. Девчонки замуж выскочили и в декрет ушли. Я что, изверг, что ли, беременных на демонов в рейд слать? Максим Валов на повышение ушёл. Он сейчас в диспетчерской сидит, принимает анонимные сообщения от граждан и спецслужб о потусторонних беспорядках. Работа спокойнее, а платят так же. Вадим Астафин в Томск уехал, свой отряд набрал.

Василий вздохнул.

– Вот учишь и учишь их, а они потом разбегаются.

Мы ехали долго, и я даже не заметил, как уснул. Но на этот раз сие был обычный сон без сновидений, без убийств, без брожений по лесу.

– Всё! Приехали! Вставай! – вырвал из забытья голос Вась Вася.

Я открыл глаза и протёр лицо. Мы были в каком-то полуподземелье. Прямо рядом с Барсиком стоял стол для еды, пара стульев и большое мягкое ложе. Окошко было одно и небольшое, а само подземелье освещалось одинокой колбой со светом. Но к слову сказать, всё было чистым и прибранным. На полу ни соринки, стены побелены, а стёкла вымыты до того, что их почти не видно.

– Где мы?

– В моём склепе. Я гараж арендую. Денег на квартиру не хватает, и так жене всё отдаю. А мне, в общем-то, и не нужно. Я всё равно мёртв, я упырь. Зато это мой личный склеп. Но у тебя жилья тоже нет. Сегодня на диване поспишь, а завтра раскладушку тебе куплю. Как говорится, чем богат, тому и рад, – как-то тоскливо и виновато произнёс Василий.

– Я последнюю тысячу лет меж корней деревьев спал, а то и в медвежьих берлогах. А это хоромы.

– Вот и хорошо. Завтра пробежимся по претендентам на новый отряд.

Егор Соснов ходил вдоль трупa громадной чёрной многоножки, глядя под ноги и бормоча под нос, словно считал длину твари в шагах. Казалось, сейчас встанет и громко выкрикнет: «Сорок шагов или двести попугаев. А в шагах всё же она не такая большая и страшная».

Стоящий рядом Никита сопливо шмыгал носом, подхватив какую-то заразу. Он поправлял очки и фотографировал это на зеркалку. Рядом суетились люди в жёлтых костюмах биологической защиты, собирая образцы.

– Егор Олегович, – начал худощавый Никита, – вы когда-нибудь видели что-то подобное?

– Знаешь, – протянул Соснов, задумчиво глядя на создание, – я много чего повидал. И богов, и демонов, и тёмных эльфов на драконах. Один мясник чего стоит, а уж про всякую мелочь можно вообще не заикаться, но вот такое... такое – в первый раз.

– Что думаете делать?

– Ничего. Нам нужна статистика. Если это первая ласточка чего-то нового, то каждый случай необходимо тщательно классифицировать. Поэтому просматривай все доклады от охотников и каждый день отчёт. Каждый день.

– Хорошо, – кивнул Никитина и снова щёлкнул зеркалкой.

– А я попрошу Шурочку, чтоб регулярно сканировала город, – Соснов вздохнул и потёр лицо. – Будем играть по правилам ловли маньяков, пока не сузим варианты до минимума. К сожалению, только так. Поэтому без новых жертв не обойтись. И хорошо, если я ошибаюсь, но чутьё говорит, что они будут.

Глава 5. Герои по найму

– Ждана, не убегай! – кричал я вслед супруге, которая лёгкой ланью бежала по узким улицам какого-то городища.

Деревянные срубы уходили к самому небу, оставляя только зазоры меж крышами, похожие на трещины во льду. Дома были расписаны яркими красками и пестрели бесчисленными вывесками. Сапожник, портной, скорняк, пекарь. Я знал, что именно намалёвано на струганных, причудливо резных досках, но не понимал самих буквиц, совсем не похожих на глаголицу.

Под ногами лежала утоптанная до каменного вида земля, ровня, аки скатерть на добротном столе.

– Ждана, свет мой, постой! – кричал я в спину жене, пытаясь не отставать.

Я бежал вперёд, вслед за женой, но та с хитрой улыбкой на червонных устах ускользала прочь, заставляя протискиваться через несметную пёструю толпу горожан, словно сошедших с шумной круговерти нескончаемого ярмарочного дня. Люд разного толку преграждал путь, отчего приходилось даже распахивать в стороны силой. Иной раз они хватали меня за одёжу, и чудная ткань «спортишка» трещала. Яркий белый сарафан жены то пропадал из виду, то вновь возникал, словно поплавок на большой волне, и я рвался вперёд, чувствуя слёзы отчаяния на глазах.

– Ждана! Жданушка!

Жена звонко засмеялась и нырнула в проулок. Я за ней.

А шмыгнув в узкую щель меж домов, встал. Ибо моя родная стояла над собственным телом, присыпанным землёй, обломками горелых досок и горшечными черепками. Сие было чудным и страшным в один и тот же миг. Недвижное тело и невесомая да обворожительная в своей красоте девушка над ним. В этой щели проулка было темно, но супругу свою, источающую яркий свет, я видел отчётливо. И она уподобилась берегине, озаряющей своим сиянием бытие во круг.

– Ты бросил меня, – с лёгкой укоризной произнесла Ждана, привстав на цыпочки и сделав полшага назад. – Я скучала по тебе.

– Я тоже скучал.

– Так пошто бросил? – подняв из-под ног тонкую лучину, спросила она.

– Ты ведь померла, – виновато ответил я, а потом шагнул к жене и взял за руку. – Но все эти годы я скучал по тебе.

Ждана снова засмеялась и растаяла дымом. Смех её при этом не умолк, а лишь только переместился мне за спину.

– Ты забыл меня. Вот и умерла.

Я поглядел на лицо трупа, изуродованное язвами ветреного моря, на застывшие черты лица, на полуприкрытые остекленевшие очи, на тонкую струйку сукровицы, текущей из краешка рта, а потом обернулся.

Та Ждана, что живая, по-прежнему держа длинную лучину в тонких пальцах, подошла к стене и ткнула перстом в странную вещицу, похожую на прибитую к срубам шкатулочку. Та звонко щёлкнула, а конец лучины ударил по глазам ярким желтоватым светом, словно гвоздь, вынутый из жаркого горна кузнеца. «Выключатель, – прошептал незримый толмач. – Электричество».

– Я не хотел тебя бросать, поверь, – немного смутившись, ответил я.

Но неужто сие есть сон, и я сплю? Должно быть, сон. Ждана увидела мои терзания и улыбнулась. Она подняла свободную руку и дотронулась до похожей на грушу склянки, и не помню я, что висела сия вещица здесь ранее на тонкой белой бечёвке. Не было её. Значит, сон.

Склянка осталась в пальцах жены, и она снова заговорила, но уже другим голосом, сильным и властным, добрым и покровительствующим. Голосом лесной девы. И даже очи позеленели, став не Жданиными.

– Ты обещал помнить нас, Ярополк.

Дева сорвала склянку, как перезрелое яблоко с ветви, и стряхнула в неё свет с кончика лучины. Хрустальный звон, рождённый прикосновением деревянной щепы до края склянки, повис в воздухе, словно комариный писк, и всё никак не хотел пропадать. А Ждана подошла ко мне.

– Ты будешь охотиться на нас, но не забывай, что ты сам один из нас.

Дева тоскливо вздохнула, вложила мне в руку склянку, наполненную светом и теплом, а потом потянулась и поцеловала в губы.

– А коли обещаешь, то у меня для тебя подарок будет.

– Обещаю, – произнёс я и открыл глаза. Надо мной висела искрическая лампа, точь-в-точь как та, что была во сне. Я вздохнул и поднял руку, покутив запястьем, словно пытаюсь намотать на пальцы лучики света. – Не забуду, – тихо повторил я, до сих пор ощущая исходящий от Жданы запах лесных трав, сырого мха и еловой смолы.

А на губах остался вкус спелой костяники.

Я повернул голову. По приезду Вась Вась увалился в открытом автомобиле, в самом его нутре, и ныне храпел на весь склеп богатырским храпом, промолвив напоследок, что вампиры должны спать днём, а ночью бдеть.

Я лежал на мягком ложе, названном им диваном, и долго смотрел в свод рукотворной пещеры, освещённый бутылкой с приручённым светом. Этот свет светил в каждом доме и каждой собачей конуре, и посему он был первым же, о чём следовало полюбопытствовать, чтоб не казаться дремучим неучем.

Сон пропал, оставив после себя лёгкую тоску, но лампа в руках лесной девы была неспроста, и оттого величайшее любопытство толкало на дивные измышления. Я встал с дивана и бесшумно, аки лесной зверь, подошёл к Барсику. Вась Вась сморщился во сне и пробормотал неразборчивую ско-

роговорку, а когда смолк, опять начал храпеть. Спрашивать у него про это неведомое электричество расхотелось, и я поглядел на лампу. Я должен уразуметь всё сам.

Дверь в гараж-склеп оказалась не заперта, и я, чуть слышно скрипнув петлями, вынырнул в ещё более тёмную пещеру, где таких дверей было множество. Как назло, мой незримый толмач молчал. Его тоже нужно будет допросить, но не сейчас. Сейчас он должен привыкнуть ко мне, довериться. Ну, я так разумею.

Где-то в глубине слышались голоса, и я решил дойти до людей, чтоб спросить дорогу. А куда мне самому хотелось? Да туда, где склянки со светом продаются. Там и узнаю правду о том, как добывают искричество и как его пользуют.

Я шёл в полутьме, а голоса приближались, разлетаясь гулким эхом от каменных стен.

– Твою мать, Лёша, крепче держи.

– Михалыч, выскользнуло.

– Руки корявые, вот и выскочило. Дай ключ на двенадцать.

Я завернул за угол и увидел небольшой серый автомобиль с открытыми дверями. Само самобеглое чудо стояло на подпорках, а под ним лежал старик в грязной одежде, бурча и проклиная какие-то сальники. Рядом на корточках сидел парень, с виду мой ровесник.

– Ой гой сути, добры люди, – произнёс я и поклонился.

Молодой уставился на меня с открытым ртом, а старик перестал ругаться и выполз из-под автомобиля.

– Здорова, здорова, – ответил он, смерил меня взглядом, а потом вытер руки о тряпицу и улыбнулся. – Ты у Васьки-упыря поселился?

– Да, – неуверенно ответил я, а старик сразу же протянул мне руку для приветствия, – Я Сергей Михалыч, а этот придурок – Алексей, мой зять. Руки у него под мышку заточены, вот и приходится выручать растяпу.

Я глянул на обиженно поджавшего губы парня и представился честным людям:

– Ярополк.

– Да знаем уже. Наш домовой все уши прожужжал, что к Василию человек подселился.

– Домовой? – переспросил я.

– Ну да. Как сейчас без домового. Он и пожарная сигнализация, и против домушников, и вообще, поболтать любит.

Я промолчал, а старик сел, поднял с пола какую-то рога-тульку и охая стал снова заползать под брюхо автомобиля.

– Лёха, сходи за чутком в супермаркет. Хлеба возьми и пельмени не забудь, а то моя бабка на сутках сегодня.

Парень похлопал по одежде, словно что-то выискивал.

– Я карточку дома оставил, – виновато промямлил он.

– Вот, всё у тебя через задницу. Знал же, что я чуток захочу. У меня в барсетке деньги достань. И два возьми чутка, дураком не будь.

– С тобой пойду, – произнёс я, решив, что с этим парнем можно пройтись по новым местам и без всякой дурачности вер-

нуться.

– Угу, – буркнул он, залез в лежащую на переднем стуле автомобиля котомку и, махнув рукой с зажатými в ней листами размалёванной бересты, повёл по пещере к тонкой полоске белого света, горящей в глубине, а вслед нам снова заголосил Сергей Михайлович.

– Ярик, – бесцеремонно спросил он, – ты вот у упыря поселился. Он ничего не говорил тебе про какого-то полукняжича? А то домовый обмолвился нечаянно, что появился в городе такой тип. А как спросили, что за птица, только и огрызнулся, что это людей не касается, и спрятался за холодильник.

Полукняжич. Я остановился, поглядел на старика, на его зятя, на машину да в сторону двери Вась Вася. Вспомнились слова лесной девы: «Ты будешь охотиться на нас, но не забывай, что ты один из нас».

– Нет, не слыхивал.

– Ну нет, так нет, – пожал плечами Михалыч, взял с пола какую-то железную рогатуюлку и снова залез под повозку.

Алексей повёл меня длинным темным подземельем к дальней двери, через щели которой сочился дневной свет.

Парень почесал в затылке и убрал в карман какие-то шуршащие клочки, толмач молчал, а я не хотел его спрашивать. По пути ещё раз напомнил себе ничему не удивляться, хотя это будет обманом. Я буду удивляться, но тут не надобно виду подавать. Прямо как в Царьграде, когда по торжи-

щу ходил. Все необычное тогда было, и людские одёжи, и речи, и товары. Даже иные выючные животные, сиречь верблюды у черных, аки головни, купцов из заморских земель тоже необычны, но бродить с открытым ртом и выпученными глазами, аки юродивый, стыдно.

Дверь скрипнула, и мы оказались на улице. На меня сразу навалились местные шуми и запахи. Что ни говори, и того, и другого в избытке. А ещё внутри опять поселилось то старое озорство. Я скрестил руки на груди и с умным видом, мол, я чо, я ничо, я местный с перепоя, пошёл вслед Алексею. А пошли мы проулками к большущему, ярко разукрашенному дворцу, который возвышался над деревьями и такими же гаражами, где люди хранили телеги, и был виден издалека. И чем ближе мы подходили, тем больше народу становилось. Все добротнo ряженные. Кто порознь, кто семьями, и казалось, что здесь каждый день – ярмарочный.

– Толмач, – прошептал я, стараясь, чтоб меня не сильно было слышно остальным, – что сие есть?

«Торгово-развлекательный центр, – отозвался карманный мудрец в голове, – терем великий для забав и торжищ».

Я ухмыльнулся, и вправду ярмарка. А раз так, то всем до меня и дела не будет. С такими мыслями я шагнул вслед за своим провожатым в терем, а там замер. Все вокруг блестело стёклами да железяками и сияло разноцветными огнями, шумело на разные голоса и шевелилось яркими картинками.

В тереме грохотала громкая непривычная музыка. А ещё

в воздухе витали подобно пчелиному или комариному рою маленькие, как синицы, духи. Девы и парни, а то и чудные зверушки. Одна небольшая девица со стрекозиными крыльями и в белом платье опустилась с самого верха и зависла передо мной.

– Здравствуйте! Можно провести небольшой соцопрос?

Я пожал плечами не зная, что от меня хотят. А в заболелшей от шума и обилия всего необычного голове закружилась мысль, что лучше бы я дальше спал в своей берлоге. Что я чуждый пережиток прошлого, который никогда не сможет здесь стать своим. Вокруг все в письменах, их я прочесть не сумею. Все глаголют так, что за жизнь не уразуметь. И всем людям плевать на меня.

– Спасибо за согласие, – продолжила крохотная девица и достала из воздуха какой-то тёмный продолговатый предмет, – насколько велика вероятность, что вы посоветуете нашу продукцию своим друзьям?

Я снова пожал плечами не зная, что сказать. Я даже не знал, что это.

– Я тебя везде ищу, а ты вот он, – раздалось рядом, и я почувствовал, как меня хватают за локоть.

Отвернувшись от ждущей ответа крохотульки, я растерянно уставился на Вася Вася, тяжело дышащего, словно долго-долго бежал.

– Вася, что-то дурно мне.

– Ладно. Пойдём, подышишь свежим воздухом.

– А он и на снаружи не свежий, – ответил я, чуя, как голова совсем закружилась.

Упырь криво ухмыльнулся и потянул меня за собой, выводя через стеклянную калитку. Лишь когда шум и гам, давящий осязаемым грузом на мои уши лесного обитателя, остался позади, я вздохнул и поднял взор в небо. Там над облаками плыли яркие точки, оставляющие белые царапины на голубом небосводе.

«Самолёт, – прошептал толмач, – сие есть летучий корабль».

Я опустил голову и прикрыл лицо ладонями. Люди небо бороздят воздушными ладьями, дома до небес строят, а я ничего этого даже не знаю. Голова заболела с новой силой, и захотелось уйти куда-нибудь и заплакать, как в детстве, когда обещали взять на ярмарку, но оставили. И никакое обещание не удивляться не поможет. Я не вернусь назад, чтоб потом рассказывать небылицы среди друзей, как тот ключник.

– О, чо творят, – как-то шутливо произнёс Вась Вась и поднял взор.

Мимо нас на бешеной скорости промчался двухколесник, белёный до снежной чистоты. А позади всадника сидела молодая девка, она была совсем голая, если не считать шлема со стеленным забралом, и размахивала в зажатой в руке сорочкой. Двухколесник с рёвом промелькнул и исчез за плавным поворотом дороги.

– А вот выкусите, – прошептал я, – назло всем скоплю

денег, куплю такой же и бабу с голыми сиськами посажу с собой. И дом поставлю с десятью светлицами, и чтоб окна со стеклом в полстены.

– Что? – не поняв, переспросил Василий.

Он продолжал глядеть вслед двуколеснику, как чудакам, балующимся на ярмарке. Может, так и было.

– Вась, а как у вас дети грамоту и счёт учат? – обратился я к упырю.

– А-а-а, – протянул он, – вон ты о чём. Я тебе куплю чуть попозже учебники для первоклашек. Но сейчас у нас собеседование.

Я кивнул и, внутренне собравшись, пошёл за Вась Васем обратно в торгово-ярморочный центр. На этот раз просто отмахнулся от крохотного крылатого создания и твёрдо пошёл дальше. Лишь раз остановился у большой картины, где нарисованный мужчина, похожий на степняка, пел хриплым голосом неспешную песню.

«Я сижу и гляжу в чужое небо из чужого окна...»

– И этот... телевизор... тоже куплю, – процедил я, – что я, хуже других, что ли?

Догнал Василия и зашёл в большой стеклянный короб, который начал плавно подниматься вверх. Внизу пропали одни люди, сменившись другими, и казалось что на этой бесконечной ярмарке человечков больше, чем в ином городе. Я зло глядел на них. А злился не на них, а на самого себя. И все из-за того, что хотел железо на шкуры звериные поменять.

Хотел торжища, получай, не унесёшь.

Вскоре мы пришли к каким-то столикам, где люди поодиночке, парочками или целыми семьями сидели и ели. Там мы выбрали пустой и сели. Василий нервно глядел по сторонам. Я не хотел спрашивать. Само все станет видно.

Ждали мы недолго. Вась Вась при виде какого-то человека вскочил и замахал рукой.

– Дима!

И вот уже напротив сел молодой парень ненамного моложе меня. Светловолосый, голубоглазый, хоть и невысокий, но хорошо сложенный.

Он мне понравился. Понравился каким-то хорошим любопытством в глазах и вниманием без усмешки.

– Здрасьте.

– Гой еси, – ответил я, и тут слово взял Василий.

– Значит так, Дима, мне тебя посоветовали, как подающего надежды чародея-артефактора с дипломом программиста фантомов и немного боевого мага. У нас есть вакансия. Команда пока только набирается. Вот, сегодня штурмовика мне посоветовали.

Дима глянул на меня, оценивая, насколько я могу подходить для дел этого непонятного «шкурнавика». Но судя по тому, как он снова перевёл взгляд на упыря, вполне.

Парень открыл рот, чтоб что-то ответить, но в этот миг рядом раздался звонкий девичий крик.

– Васечка! А ты из своей могилы выполз? Мы думали,

сдох уже.

Я поглядел на трёх девушек, которые подскочили к нам. Две сразу сели по бокам Димы, держа в руках чашки с каким-то напитком и потягивая через цветные соломинки, а третья достала откуда-то длинный нож и воткнула в стол, проткнув тонкую слюдяную столешницу. Она была весьма миловидна, голубоглаза и с заплетёнными в длинную косу волосами белыми, как мел.

– Соколіна, проваливай, – процедил упырь, скрипя зубами. – Это не клиент.

А я прищурился. Это, оказывается, та девица, которая загоняла на алом двуколеснике большое чудище.

– Да вижу, что не клиент, – усмехнулась девушка, – мага окучиваешь?

– И что с того?

– Ну, ничего, но нам самим нужен.

– Слышь, проваливай! – вспыхнул Вась Вась.

Он явно очень рассчитывал на этого паренька.

– Да ладно тебе. Он пусть сам выберет, с кем работать. Мы – топ отряд, ты – мусорщик. Бегаешь, всякие свалки от мелких бесов чистишь. У нас молодой девичий коллектив, слаженный и озорной. Ты – старый бесполезный вурдалак, а этого гопника вообще в первый раз вижу. Нигде не засветился. Ни на охоте, ни в другой теме.

Соколіна обошла столик и, зайдя Диме со спины, наклонилась и легонько положила ладони на плечи парню.

– Решай, – проворковала она на ухо юноше, – с нами или с этими мусорщиками.

Дмитрий молча обвёл глазами сперва нас, а потом девушек, и потом кивнул.

– Я с перу́нницами.

– Сучки, – процедил упырь, сжав кулаки.

– Да ладно тебе, – сооротив забавную рожицу, произнесла девушка, – это просто бизнес. Светля́ника, Несмея́на, пой-дём, отметим приобретение. Чур, с мага шампанское.

– Извините, – спокойно произнёс Дима, отведя взор от Вась Вася, и встал из-за стола, где его сразу подхватила под руку Соко́лина.

Было видно, с какой обидой смотрел им в спину Василий. Словно у крестьянина коня отняли, вместе с плугом и мешком зерна.

– Свалки? – тихо спросил я, подавшись поближе к упырю.

– Свалки, гаражи, частный сектор, – уныло ответил Вась Вась. – Не всем же достаются метро, элитные кварталы и торговые центры. А на мелких бесах тоже можно заработать неплохо, правда, побегать побольше придётся.

– Как за сусликами супротив кабана? – с усмешкой спросил я.

Он не ответил, а встал и с досадой махнул рукой.

– А не пойти ли нам сейчас на охоту? Заскочим к Всеволоду, купим, что попроще, и в пригород. В приложении два заказа светится. С каждого по десяточке срубим.

– Пойдём, – согласился я, а потом поглядел вслед уводящим чародея девушкам и пробормотал под нос. – Вы обо мне ещё услышите.

Глава 6. Оружейная лавка

Мы снова вышли из ярморочного центра. Василий долго тыкал пальцем в своё чёрное зеркальце, бормоча под нос про какие-то тиски и сердитую карточку. Я не вмешивался, думая об охоте. Нет, само по себе убийство всяких негодяев меня не смущало, а вот просьба лесной девы не забывать, что я сам нечисть, немного сбивала с толку. Я дал обещание помнить, но что именно должен делать, не знал. Оставалось надеяться, что действуя по простым законам совести, не ошибусь. На том и порешаем.

Мои думы прервала жёлтая самоходная телега, сиречь автомашина, и Вась Вась толкнул меня в бок.

– Всё. Наше такси подъехало.

– Толмач, что есть такси, – тихо спросил я, подходя к дверце.

Было видно, как Василий дёрнул за щеколду, и не было сложностей поступить также.

«Такси, – прошептал на ухо мой маленький помощник, – есть телега, предназначенная для развоза честного люда за мзду».

– А, понял! – воскликнул я и тут же осёкся, так как и извозчик, и вампир сразу обернулись и уставились на меня.

– Слушай, бросай орать, не лесу, – скривился Василий и поправил свои жёлтые, как свежий цветок одуванчика, очки.

Он что-то буркнул извозчику, и все-таки чудные эти телеги, что без скотины катятся. Обязательно разберусь, что за колдовство в них. Небось, собачий дух в них заточен, вона, как рычит недовольно, и чем быстрее катится, тем сильнее рык – не нравится бедняге трудиться день и ночь, вот и бунтует.

На сей раз смотреть в оконце было интересно. Я выпался да смирился, что мир другой. И хотя обида все немного глодала, особенно после тех шепутных девок, но мелькающие богато украшенные дома завораживали. А ещё я подметил, что когда ближний к нам уличный фонарь загорался алым, как закатное солнце, телега останавливалась и терпеливо ждала зелёного огня. Я не удивился разному цвету, ибо видел в Царьграде цветные окна, сиречь витражи. Но то, что они менялись сами, было ещё одним колдовством, и, наверное, очень могучим, раз все машины его слушались.

Ехали недолго, вскоре извозчик встал у какого-то дома, такого же ярко разрисованного, что и остальные, и мы вышли, а следом нырнули в небольшой погреб, вход у которого был сбоку терема. И тут я обомлел. На стенах мечей, ножей, луков да доспехов самых разных видимо-невидимо. Все богаче, чем у князя. А ещё множество разных непонятных вещей и воронёных дудок, развешанных по всем стенам и уложенных под стёклами на столах. От них тоже веяло смертью, и помню, из таких же дудок в меня громыхали в лесах.

– Сёва, дружище! – закричал Вась Вась с порога и помчал-

ся, разведя руки в разные стороны, словно намеревался заключить в объятия высокого жилистого мужчину, читавшего какую-то книжицу.

Тот при виде нас положил на небольшой столик и книгу, и узкие глазные стекляшки, встал с обитой чёрной кожей лежанки и улыбнулся. И надо сказать, этот Сёва тоже был вампиром, так как в свете неярких лампад мелькнули острые белые клыки. Правда, я плохо себе представлял, как упырь мог обладать сильным загаром, а Сёва им обладал.

– Я уж думал, ты завязал с охотой, – с лёгким хитрым прищуром протянул хозяин лавки и с силой пожал протянутую ему ладонь. – Все не заходишь да не заходишь. А ещё говорили, что отряд твой распался.

– Брешут, – отмахнулся Вась Вась, – просто смена состава. Глянь, какого я себе богатыря урвал.

– А я сперва подумал, это твой трофей для отчёта, – ухмыльнулся загорелый вампир.

– Чой-та? – изогнул брови мой товарищ и обернулся на меня.

– Да я на нем кровищи чую побольше, чем на Титанике потонуло.

– Да? – переспросил Вась Вась. – Не чую.

– Василий, – скривился в очередной усмешке Всеволод, – ты у нас такой бойцовый хомячок, что положи перед тобой связанного карлика, неизвестно, кто победит. Я вообще удивляюсь, как ты столько времени со старым отрядом на

плаву продержался.

– Врождённое обаяние, смекалка и интуиция, – подняв вверх указательный палец, ответил смуглому упырю Вась Вась, и тот громко рассмеялся.

А я краем уха слушал их беседу да рассматривал доспех, одетый на вырезанного по подобию человека истукана. Толмач сразу шепнул, что это называется «манекен». Доспех был знатный. Добротное железо блестело в свете лампад, наполированное до зеркального блеска. Поддоспешник добротно простёган, и каждый шовчик ровненький-ровненький. Шлем с опускаемым забралом, крашеными перьями и тонкой резьбой по железу, изображающей дубовые листья и жёлуди. Рукавицы из тоненьких гнутых листов, подогнанных друг к другу так, что игла с трудом пролезет. Одеть бы такие да перед Ратибором пройти, вот бы он из зависти сам себя за гузно укусил.

Одновременно с этим всплыл из памяти вопль княжеского отпрыска, насаженного на сук. Не изойдёт он завистью, нет его уже тысячи лет, и даже кости истлели. От этого стало грустно на душе.

– Ладно, дам тебе скидку, – продолжил меж тем Всеволод, взяв со стола своё волшебное зеркальце, несколько раз в него ткнул перстом да положил обратно, скривившись, как от кислого ревеня. – Пять процентов, как собрату по вампирскому обществу, и пять за обаяние. Итого пятнадцать.

– Что-то у тебя арифметика хромает, – расплылся в улыб-

ке мой товарищ.

Но если я правильно понял слово «скидка», то сбить цену удалось весьма значимо, и причины для радости имелись.

– Да мне самому любопытно, чем этот молодчик может пригодиться. Надеюсь, разрешение на огнестрел у него есть?

– Э-э-э, – протянул Василий, почесав в затылке. – Тут такое дело, смотри. Его Соснов только вчера мне на поруки вручил и попросил к охоте пристроить. Я его даже не успел толком расспросить, что да как.

– Соснов? – прищурился Всеволод, глядя на меня так, словно мерку снимал, – Даю ещё пятнадцать процентов, а мелкие расходники по себестоимости. Там, где Соснов – всегда что-то интересное будет, и я не хочу в стороне оставаться.

– Ух ты, – совсем разомлел Вась Вась и хищно поглядел на какую-то дудку с множеством ручек.

Даже казалось, что сейчас слюна капать начнёт, как у голодного щенка при виде кусочка мяса.

– Не-не-не, – сразу поправился Всеволод, – только на холодняк. Нет разрешения – нет огнестрела. Хозяину плевать на такие мелочи, а вот мне нет. Я законопослушный вампир, плачу налоги, делаю взносы в фонд бездомных котят, жертву подбираю только на специальном сайте, мне проблемы ни к чему. Как получит разрешение на него, продам. Но если чутье меня не подводит, а оно меня редко подводит, с разрешением не скоро получится.

– Блин, Сева, – жалобно поканючил Василий, назвав смуг-

лого упыря полным именем, – всю малину обломал.

Всеволод пожал плечами и поманил меня рукой. Я не стал противиться и приблизился к этому упырю, разглядывая странное оружие, лежащее между ножами и топорами. Оно походило на небольшую дубинку с приделанным к нему колесом. А на колесо тонкая прозрачная нить намотана.

– А это что? – не удержался я и спросил, показав перстом.

Всеволод глянул мельком и отмахнулся.

– Это не для продажи.

– А все одно, что это?

– Это мой спиннинг. Хотел вечером порыбачить.

Я улыбнулся и решил пошутить.

– Я думал, это супротив упырей. Тоже хотел взять.

– Не дерзи старшим, юноша, – с ухмылкой ответил Всеволод, – даже с противоупыринным оружием ты со мной не справишься.

– А я уже большенький, – произнёс я и начал загибать пальцы, решив немного поершиться. Так, самую малость, из озорства. – Мне тысяча, да два по десять, да ещё два года.

– А мне две с половиной тысячи. Так что не дерзи, – ещё сильнее ухмыльнулся Всеволод и остановился у манекена, на котором была невиданная сказочная броня.

Вся в серо-зелёных кляксах, наплечники, наручи и поножи не из железа, а чего-то, похожего на надкрылья жука, шлем похож на яйцо и ни единой щёлочки для глаз, отчего непонятно, как врага видеть. Поверх нагрудника множество

подсумков.

– Ну, – самодовольно произнёс древний вампир, глядя на сие чудное творение оружейников, – карбон, титан, кевлар, сапфировое стекло на шлеме с хамелеонным напылением.

Я открыл рот, не зная, что ответить, потому как слов таких не знал. Зато Вась Вась подал удручённый голос.

– Сева, ты хочешь, чтоб я ипотеку взял, или почки продал? Даже со скидкой не потяну.

– Твои вампирские почки даже на пирожки не возьмут, – ухмыльнулся хозяин лавки, а потом посмотрел на меня и ещё раз поманил рукой. – Ладно, иди сюда, сейчас бюджетненько тебя снаряжу.

Всеволод подождал, пока я не встану посередине лавки, потом громко закричал во весь голос.

– Кирилл!

Сбоку открылась неприметная дверь, и из неё вышел немолодой мужчина, холодно поглядев на хозяина.

– Лёгкий броник, комплект из наплечников, наручей, наколенников и налокотников из полиэтилена высокой плотности, тактический фонарик, охотничий нож с серебряной вставкой, войсковую волшебную палочку и солдатские берцы, а то в кроссовках пинать врага несподручно.

Помощник оружейника так же молча исчез, а Всеволод продолжил свои речи.

– Жаль, шлема дешёвого нет, – задумчиво поджал он губы, – но тебе же не под пули лезть, а потустороннюю мелочь

крошить. Из оружия что привычно?

– Ну, лук, меч, секира, копье, булава, кистень, щит. Могу ножи метать.

– Хорошо, – кивнул оружейник, смерив меня придиричьим взглядом с головы до ног.

Вась Вась же молча стоял рядом и с отрешённым взглядом смотрел на тот зелёный доспех, что был слишком дорог для него. А когда помощник Всеволода вынес большие бушмазейные коробки, коротко глянул на него и с кривой улыбкой потрогал карман, где у него лежал кошелек с деньгами.

– Композитный лук, запас нейлоновой тетивы, три десятка пластиковых стрел с разными наконечниками под резьбу, десяток ножей со вставками из десятипроцентного серебряного припоя.

– На серебре лучше не экономить, – пробурчал Вась Вась, на что Всеволод сразу разразился язвительной речью.

– Слышь, то ты почки заложить хочешь, то чистое серебро тебе подавай.

– Ну да.

– От припоя эффект почти такой же, а цена в десять раз меньше. Так что не бухти, – отмахнулся Всеволод и начал доставать из коробок вещи.

Самым первым он надел на меня поверх «спортишка» безрукавку из странной чёрной ткани, которая была очень толстая и жёсткая. Со словами «недорогой, но неплохой броник» он несколько раз перестегнул лямки с шипением похо-

жих на репейник «липучек». А потом нацепил на меня щитки из чего-то зелёного и похожего на очень твёрдый воск. Ножны с хорошим ножом прицепил не на пояс, а на броник у левой ключицы, мол, так быстрее выхватить. Черные сапоги со шнуровкой поставил рядом, и я их сразу примерил, да так и остался. Они скрипели, непривычно пахли, но сели по ноге, как родные. На очереди была недлинная чёрная дубинка со стёклышком на одном конце.

– Тактический фонарик. Он ударопрочный и водостойкий. Им можно и как дубинкой воспользоваться, но не переусердствуй, все же не оружие. Щёлкни здесь.

По указке Всеволода я нажал на небольшой выступ, и из стекляшки вырвался яркий луч света, больно ударив мне по глазам, заставив вампира протяжно вздохнуть и покачать головой, словно я совершил совсем детскую глупость.

Немного смутившись, я опустил глаза, рассматривая чудное снаряжение, а потом заметил большое зеркало в углу и подошёл к нему. Доспех выглядел непривычно и даже забавно, но мне сейчас весь мир непривычен, и потому не буду судить то, что не понимаю.

– Нормально, – со вздохом произнёс Вась Вась, а когда вынесли оружие, начал тоскливо покусывать палец.

При этом был виден его острый клык. Казалось, что он начал сомневаться в том, что правильно поступил, взяв меня к себе на поруки.

Я глянул на потухшего взглядом сотоварища. А потом

стал наблюдать, как Всеволод сноровисто цепляет связку метательных ножей к бронежилету, как, оказывается, полностью называется нагрудник. А вот когда дошло дело до волшебной палочки – небольшой покрытой чёрным лаком деревянной лучины, похожей на гвоздь длиной в две ладони – вампир немного замялся.

– Василий, он хоть какому-то юзанию палочки обучен?

– Да когда бы? – ответил вопросом на вопрос Вась Вась, – На ходу буду учить. Что у тебя к ней привязано-то?

– Ну, набор заклинаний выживальщика, поисковые фантомы и щит против пуль и осколков. Атакующее магеми обрезаны, сам знаешь, на них тоже разрешение нужно, как на нарезной длинноствол.

Говоря много слов, смысл которых я ухватывал далеко не всегда, Всеволод вложил палочку в растягивающиеся под пальцами петли рядом с ножом, куда колдовская лучина вошла туго и не должна была выпасть при беге и бое.

Следом мне дали странный лук, сделанный не из дерева, а чего-то непонятного.

– Пластик, алюминий, и чуточку рессорной стали, – заметив мой смущённый взгляд, пояснил Всеволод, а я присел, зажав одно плечо лука ногой, и согнув второе, надел тетиву.

Потом же встал, наложил стрелу и растянул лук. Хороший лук, тугой.

– Ты им хоть пользоваться умеешь? – с ещё большей тоской спросил Вась Вась, – или просто понтуешься?

Я не стал отвечать. Я лук в руках держать начал раньше, чем ложку, а первую ворону сшиб раньше, чем хорошо говорить выучился.

– Так, с мечом проблемка есть, – произнёс Всеволод. – Коллекционную реплику я тебе не продам, жалко. Сувенирные тебе без надобности. А современных боевых варианты вот для таких вот охотников на нечисть сейчас нет. Недавно девчата из Перуниц несколько катан забрали.

– Опять эти сучки, – процедил Вась Вась, а Всеволод продолжил, лишь коротко глянув на недовольно бурчащего вампира.

– Полуторники тоже разобрали. У нас выдали лицензию новому отряду. Ребята приходили снаряжаться.

– Вот стоило только на недельку выпасть из струи, как сразу конкуренты расплодились, – опять пробурчал Вась Вась.

– Да не шипи ты! – повысил голос Всеволод. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Он достал из кармана своё зеркальце и начал тыкать в него пальцем. При этом шурился и отводил чёрный квадратик подальше.

– Не замечал, что ты слепой, – снова буркнул Василий.

– Ну, мне двадцать пять веков. Пора бы уже старческую дальновзоркость приобрести. Вот. Есть одна штучка. Мне на сбыт трофеи принесли. Но я качество ещё не проверял, поэтому отдам за треть цены.

– За треть той, что купил?

– Нет, Вася, за треть того, что хотел выставить. Я не ума-лишённый себе в убыток торговать.

Всеволод снова позвал молчаливого помощника и произ-нёс что-то вроде «Тащи это, ломбардец». Мужчина вынес простой прямой меч длиной от навершия до острия как ру-ка от плеча до кончиков пальцев, без изысков и чего-то, что может его отличить из других мечей. Простая крестовина, деревянная рукоять и небольшое железное яблоко. Делав-ший его кузнец, наверное, не успел украсить клинок, а мо-жет, не хотел. Но все равно, это был настоящий меч, к то-му же он удобно лёг в ладонь, заставив вспомнить мою про-шлую жизнь. Задумавшись об оставшемся в толще веков Ти-хоне, умершем от лихорадки, я провёл пальцем по кромке клинка, а потом отдёрнул руку. Из пореза на коже выступи-ла небольшая капелька крови. Я усмехнулся и провёл по же-лезу, оставляя на том красный развод, а потом заметил, что дол на мече был заполнен серебром, а может, и не серебром, а тем самым недорогим припоем, из-за которого повздорили два упыря.

Я вложил меч в протянутые мне ножны, перекинул пере-вязь через голову и снова посмотрел в зеркало. Да, показат-ся в таком виде на глаза матушке я бы не решился. Слишком несуразно.

– Сколько?! – раздался рядом возглас Вась Вася. – И где тут скидки?! Я ещё и рассрочку оформить должен.

– Слышь, охотничек, – нахмурился Всеволод, – иди беля-

шами из кошек торгуй, если не нравится. Я и так почти по себестоимости продаю.

Василий поджал губы, что-то быстро нацарапал на бумаге, которую зло выдернул из рук оружейника, а потом развернулся на месте и быстро пошёл к выходу.

– Пойдём, Ярополк.

Я поклонился Всеволоду, как того требовал обычай уважения, и последовал за своим сотоварищем. Уже на улице Вась Вась начал пинать ни в чем не повинный столб и зло ругаться.

– Сука! Скряга доисторический! Я же знаю, что он по лицензии охотника может продать огнестрел! Хотя бы палёный дробовик дал! Или револьвер времён революции! Что с этим луком мы настреляем?

Я поглядел в него, где солнце неумолимо приближалось к горизонту. Ещё немного и стемнеет.

– Не успеем на охоту, – пробурчал Василий. – Я-то вижу в темноте, а ты нет. Завтра, если заказ не снимут, пойдём.

– А где заказы-то?

– Да, – отмахнулся пухлый вампир, – дачи на краю города.

– Поехали, – произнёс я. – Я тысячу лет жил во тьме. Ночь не будет помехой.

– Ну, поехали, – понуро согласился Василий, а я глядел на этого упыря, который был человечнее, чем некоторые из живых, встреченных мною на жизненном пути.

И ведь, несмотря на брань и повадки обыкновенно торго-

ша, он купил все, что было необходимо, а это значит, подвести его я не имею права.

Я положил руку на рукоять меча, а в голове кружилась мысль, что все только начинается. И охота, и новая жизнь.

Глава 7. Первая охота

Впереди первая охота, и если в обычном бою со степняками, разбойниками или иным недругом я был множество раз, равно как и на охоте на крупного зверя, то на живущих вне времени я буду охотиться в первый раз. Василий снова вызвал извозчика, всего лишь ткнув пальцами в волшебное зеркальце, и тот подъехал к нам весьма быстро.

«Живущие вне времени, – мелькнула мысль в голове, – так называют себя духи, боги и демоны. Они действительно жили, не старея, не умирая своей смертью, и не всегда ясно, откуда они взялись. С одними все понятно, жил человек, потом умер, но не ушёл за кромку и стал домовым, овинником, русалкой или берегиней, а иные из ничего возникают. Раз, и есть».

Я достал стрелы и начал их крутить, думая, как приделать наконечники.

– Там резьба, – буркнул Вась Вась, развернувшись на своём месте.

Он глядел на меня с некой тоской, уже готовый смириться, что ничего путного из нашего малого отряда не получится.

Я пригляделся. На конце древка была тончайшая выточка, обвивающая конец по ровному кругу. А в наконечнике имелся ровный паз с такой же резьбой. Осталось только приложить.

– Дай помогу, – протянул вампир руку, но я нахмурился и огрызнулся.

– Азм есмь сам делаши.

– Да куда тебе пещерному.

– Я сам!

Василий замолчал, хмуро кусая губы. Я же думал так. Если есть паз, то надобно в паз вставить выступ, а если паз витой, то и вделывать нужно, чтоб витки совпали. Только с пятого раза у меня получилось, зато следующие десяток срезней, пяток трёхгранных и пяток битней быстро нанизал. Почему битней? Так чтоб шкурку не портить, ежели попадётся мелочь, которую можно на торжище выставить. Нет, не духа, а белку или куницу, хотя в городе я их пока не видел. Это в лесу, где бродил эту тысячу лет, сам будучи живущим вне времени, пушного зверя видимо-невидимо, да токмо не на них я охотился, а на двуногую добычу.

Я поморщился, не желая вспоминать те обрывки мрачного сна, но в памяти всплыли слова оружейника про жертвы.

– Василий, – позвал я своего сотоварища, – Всеволод говорил про то, что кровь пьёт на каком-то сайтии.

– Что?

– Ну, слово такое, похожее на соитие. Только буквица «Аз» там была.

– А-а-а, понятно. Видишь, тут такое дело, нормальные вампиры, в смысле не поехавшие крышей утырки, тоже нуждаются в крови. Немного, но нужно. Приходится пить до-

норскую из гемаконов или животную, но это лишь ненадолго отодвигает безумие великой жажды. Нужна тёплая из вен. Тогда мы скапливаем денежки и ищем жертву на специальном сайте, ну, такой доске объявлений. Там студенты, бедняки и прочие, кто в деньгах нуждается. Вот, под присмотром врачей мы и пьём.

– Но ведь люди гибнут, – нахмурился я, – это что за скотобойня такая, где людей законно убивают?

– Нет, они не умирают. Вампирский укус безболезнен, раны быстро перестают кровоточить и затягиваются, а от кружки потерянной крови ещё никто не умирал. И если не хватает одной кружки, заказываешь несколько человек, – пояснил Василий, на которого недовольно поглядел извозчик.

Все же не любят здесь кровопийц.

– А те разве упырями не становятся?

– Нет. Смотри, тут такое дело, у нас есть так называемый период экстракции, когда проклятие созревает, лишает нас рассудка, заставляет кидаться на людей и может перекинуться на другого. Но это пара дней в году. Я в это время обычно в ментовке в одиночке сижу. Не получив выхода, проклятие успокаивается до следующего раза, и мы снова пьём потихоньку кровь из баночки или под надзором медиков, дабы не звереть.

– А дикие? – спросил я, прищурившись.

– А на диких мы охотимся, Ярополк. Таких мы крошим без жалости. Я даже денег за заказ не беру. Не хочу, чтоб из-

за маньяков на меня тень падала, как на психа-убийцу.

Половина слов была не понятна, но и оставшейся хватало, дабы уразуметь смысл происходящего.

Я вздохнул и поглядел в окно. Солнце уже село, и дома с дорогой осветились множеством жёлтых и белых лампад, подвешенных на высоченных столбах. От этого казалось, что ночь никогда не опускается на город, супротив вечной тьме, в которой я жил тысячу лет.

– Все, приехали, – зло бросил Вась Вась, и мы вышли.

Здесь света было мало, но все же одинокая лампада разгоняла мрак, выдёргивая из него невысокие терема. Мой товарищ сразу вытащил из кармана своё волшебное зеркальце и приложи его к уху, заговорив вежливо и с улыбкой на губах.

– Ало, это отряд охотников на нечисть «Басилевс», вы сделали заявку.

Зеркальце что-то щебетало, а Василий мрачнел все больше. Под конец он со вздохом пнул небольшой камушек и показал куда-то в сторону.

– Пойдём на следующую точку. Она в километре от этой.

– А здесь? – спросил я, разглядывая спрятанные за небольшими красивыми оградками домики с подсвеченными изнутри занавесками.

В воздухе тянуло дымом. Не гарью пожарища и не палёной человечины, а добротным дымком из печурки. Этот запах вырвал и памяти образ матушки, достающей из печи горшок со щами, а сёстры сидели на лавках и держали в руках

деревянные ложки. Матушка потирала полотенцем руки, а из горшочка поднимался вкусный пар. Воспоминания заставили горько ухмыльнуться. Хотелось все вернуть вспять, но боги не щадят, и самое большое проклятие – это быть вечно чужим, одиноким среди людей.

– Ложный вызов, – снова криво ухмыльнулся Василий, – им, видите ли, показалось.

И мы пошли дальше. Вампир снял ненужные ночью жёлтые очки, убрав их в небольшой чехол, и повёл меня по улице меж домов. Он снова достал зеркальце начал разговаривать. В конце перешёл на быстрый шаг.

– Ярополк, не отставай. Там все куда лучше, чем я думал.

Пухлый упырь шумно сопел, почти бегом двигаясь вперёд. Мы миновали две или три улицы, прежде чем выскочить к небольшому, хорошо освещённому придорожному магазину, как называли такие рынки под крышей. Он был похож на тот ярмарочный центр, но куда меньше. И там нас уже ждали.

– Вы охотники?! – подбежал к нам мужчина нерусской наружности.

Он был смугл, кареглаз и с большим носом с горбиной.

– ИП «Басилевс», – тут же доложился Василий, тяжело дыша, – что случилось?

– Вах, да там много чёго. Нэчисть и снаружэ, и снутры, и бэспредел полный, – сразу заголосил мужчина с непривычным говором, постоянно размахивая при этом руками, –

убытку на сто тысяч уже. Всех покупателей распугали, стеллаж с водкой разбили, мясо испорчено, яйца подавлены.

– Не беспокойтесь, – сразу горделиво надул щёки Василий, – мы разберёмся. За мной.

Вампир медленно вошёл через стеклянную дверь, а потом достал своё зеркальце.

– Ярик, ты иди разберись, а я на смартфон засниму. Нам отчёт нужен.

Я уже достал меч и двинулся в глубину магазина, как Василий окрикнул меня.

– Жетон возьми.

– Чего? – не поняв, повернулся я.

– Жетон! – прокричал Василий и кинул мне медную бляху, на которой были изображены щит и две волшебные палочки. – Сначала тычем жетоном с криками «Мы охотники! Приказываю сдать!»», а если не отвечают, крошишь без жалости. Если не сделаешь, могут быть проблемы.

Я кивнул и выставил вперёд левую руку с бляхой, сжимая в правой меч. Изнутри доносился шум и гам, постоянно что-то падало и рычало.

Зайдя за угол, я увидел большую тварь, имевшую размер кабанчика. Сложно было разобрать, что сие есть, ибо мутно-прозрачное существо перебирало членистыми лапками, а к нему с полок сами собой прыгали вещи. Вещи прилипали к длинной спине твари, и от этого она больше походила на громадного ручейника, который делал себе домик из му-

сора. На рачьей роже существа шевелились четыре длинных уса, и быстро вращались сеточные глаза на стебельках, как поварёшки на ручках. Только клешней не имелось.

Вокруг твари по полу прыгали два мутных рыжих комка, тьявая, как щенки. А по верхним полкам ползали розовые, словно свежее мясо, улитки, каждая величиной что кошка, и раковинами им служили человечьи головы, вернее, обтянутые клочками истлевшей кожи с пучками спутанных волос и ощерившиеся белыми зубами черепа. Улитки неспешно грызли овощи и хлеб, оставляя за собой склизкие дорожки цвета крови.

При нашем появлении туманные клочки замерли, став рыжими-рыжими лисятами, а потом исчезли, снова превратившись в кусочки бесформенного охристого дыма.

– Жетон! – прокричал сзади Вась Вась и протянул вперёд бляху.

– Охотники!

Тварь никак не ответила, продолжая крепить к своей спине какие-то яркие вещи, больше похожие на детские игрушки. Оно молча вращало большими сетчатыми глазами и перебирало тонкими прозрачными лапками.

Я же глядел на существо, думая, как к тому подступиться. Здесь бы длинное копьё больше всего пригодилось, а не меч, но копья не было. Зато был лук, и я убрал в карман бляху и вложил в ножны клинок.

Мгновение спустя в моих руках уже был лук, на который

я наложил трёхгранку. Пальцы погладили непривычное яркое оперение стрелы, а глаза искали, куда можно выстелить. Наверное, в голову.

Я вытянул вперёд левую руку, одновременно с этим отводя назад правую. С такого расстояния даже не нужно тщательно целиться, ибо промахнуться сложно.

Выдох, и с лёгким «треньк» стрела вонзилась в глаз чудищу. Я потянулся за следующей, как вдруг со всех сторон в меня полетели вещи, словно их швыряли незримой рукой. Игрушки, бутылки, еда. Прямо в спину ударилась сорванная со стены улитка.

– Гадость! – закричал я и извернулся, уцепив существо прямо за череп-раковину и бросив на пол, где сразу начал топтать ногой.

По полу растеклась тёмная жижа, похожая на кровь, но пахнувшая, как протухшая рыбина. На пальцах осталась багряная слизь.

– Гадость, – повторил я.

В следующий миг мне в голову прилетел большой бутыль, и то, что он был не из стекла, а из похожего на слюду пластика, легче его не делало. А весу в нем как добром ведре с водой. В голове аж искры сверкнули.

– Бей его, Ярик! – закричал Вась Вась, который убежал к самому выходу и оттуда наблюдал за мной с зеркальцем в выставленных вперёд руках.

Я отмахнулся от мохнатого игрушечного медвежонка, ко-

торый чуть не ударил по лицу. Лук я быстро убрал в налуч и снова достал меч. Было видно, что существо наблюдало за мной, и стрела в глазу ему совершенно не нравилась. Из раны с шипением вырвалась зеленная пена, капая на пол.

Нужно покончить с чудищем как можно быстрее, и я бросился вперёд. В тот же миг меня откинуло незримой силой назад, прямо на лоток с овощами. Тот сломался, и по полу покатались жёлтые клубни.

– Гадость, – ещё раз повторился я, подняв руку, на ней остался сок какой-то раздавленной ягоды.

Я вскочил с лотка и поднял с пола крышку от какого-то большого котла, которую выставил на манер щита. За крохотную рукоять держать было неудобно, зато можно отбиваться от летящих в меня вещей.

– Бей его! – снова закричал сзади Вась Вась, он прятался за дальней полкой.

– Проще сказать, – пробурчал я и попытался идти к существу по кругу.

Один из лотков дёрнулся, норовя опрокинуться на меня, но устоял, прибитый к полу гвоздями, а сие значит, что сила твари не безгранична, и можно этим воспользоваться. Поставив меч возле лотка, я схватил большой кочан капусты и швырнул. В какой-то момент кочан отклонился в сторону, не настигнув тварь, зато в этот миг ничто не летело в меня. Значит, так дальше и надо действовать. Я начал брать из ящика неподалёку клубни и бросать. Все они отлетали в сторону.

Когда подобрался к твари совсем близко и замахнулся на неё мечом, меня снова откинуло, на этот раз на пол повалились бутылки с разноцветными напитками. Несколько стеклянных разбились, разливая тут же вспенившееся содержимое. Запахло ягодным соком и хмельным пивом. А когда я встал, под ногами захрустели осколки.

– Василий! – закричал, убираясь обратно за стойки с полками. – Помоги!

– Я снимаю охоту! – тут же отозвался вампир, а я тихо выругался.

Сразу как-то захотелось набить рожу этому упырю. В голове мелькнуло, что нужен помощник, который будет просто отвлекать чудищ или же станет приманкой.

Подхватив меч и нырнув за следующий лоток, я ещё раз выругался, нос к носу столкнувшись с призрачными лисятками. Те испуганно твякнули и растаяли. Я выругался ещё раз и убрал меч, сменив его на ножны. Крышку кинул из-за полки сверху, и та загромыхала по каменному полу. Нет от неё проку.

Можно было бы опрокинуть стойку на тварь, но стойка прибита намертво. Да и чудище не выманить. Оно сидит на своём месте. Проще бы сжечь вместе с магазином, но, думается, нам за такое точно не заплатят, и хорошо, если в тёмную не кинут.

Я вынырнул из-за полки и чуть не получил бутылём в глаз. Но зато успел увидеть расположение твари, посему, до-

став из колчана трёхгранку, быстро выглянул и выпустил, с тем, чтоб тут же спрятаться. Тварь заскрежетала от боли, и я улынулся. Стрела пробила собранный из хлама панцирь чудища, а это значит, что можно бить не только по глазастой рачьей роже, да и стрелы оно не успевает отклонить.

Решив так, я начал быстро выскакивать из-за укрытия и выпускать стрелы. Когда кончились бронебойные, в ход пошли срезни. Треньк. Треньк. Треньк.

Исходящая зелёной шипящей пеной и истыканная стрелами тварь противно визжала на весь магазин и вскоре начала отступать к дальней двери. Но отпускать ее нельзя, и потому я снова сменил лук на меч, а потом начал хватать с полка товар. Большой бутыль с маслом, сковородка, клубни, все летело в тварь, и та уже почти ничего не отклоняла, пытаясь, как рак. Я бросал что под руку попадётся и шёл вперёд. Тварь была тупа до невозможности, иначе бы, обладая той незримой силой, вырвала из рук клинок да запускала бы в меня не мягкие вещи вперемежку с овощами, а ножи. Я только дошёл до них, подхватив один и метнув. Даже без серебра нож воткнулся в полупрозрачный панцирь.

Метнув ещё один, я бросился вперёд. Чудище толкнуло меня своей незримой лапой, но сил у неё уже не осталось, и потому я смог подобраться совсем близко и опустил на рачью голову меч. Срезанные посеребрённым клинком глаза и усищи упали на пол.

Я не собирався останавливаться и долго бил, превращая

существо в нашинкованный кочан. Зелёная кровь, слетающая с меча, забрызгала меня самого и стены с потолком. Лишь когда существо замерло без движения, а составляющие его домик вещи разом посыпались вниз, обнажая мягкое кольчатое брюхо, я тяжело выдохнул.

– Молодца! – закричал неподалёку Вась Вась, и я сплюнул под ноги.

Неудивительно, что от него все разбежались – от него в драке проку нет совсем. Я бы и сам ушёл, да некуда.

Взгляд остановился на розовой улитке, и я сделал шаг и ткнул клинком в это создание. Улитка, насаженная на сталь, начала извиваться и шевелить рожками. «Они не опасны. Пусть сами выкидывают из магазина», – подумалось мне, поле чего я опустил клинок и наступил на улитку, выдёргивая испачканный клинок.

– Добей моллюсков! – прокричал Вась Вась, – нам за них тоже заплатят!

– Вот сам и добивай! – прокричал я в ответ и схватил ползшее по ящику с ягодами создание за раковину-череп, а потом кинул в сторону вампира.

– Ты че делаешь?! – сразу возмущённо заголосил тот.

– Вышвыриваю нечисть! – рявкнул я, а потом стал выискивать глазами комки рыжего тумана.

Те обнаружились совсем неподалёку, но не в виде мутных прозрачных облачков, а в виде двух лисят.

Я положил на лук срезень, а потом притворился, что це-

люсь в улитку, ползущую по стене. Лисята спрятались и через мгновение снова вынырнули, блестя мокрыми носами и испуганными глазами. Не сетчатыми и тупыми, как у этого рака-ручейника, а живыми и сообразительными.

«Не забывай, что ты один из нас», – шепнул в голове голосом лесной девы отголосок недавнего сна. Я поглядел на забрызганный зелёной кровью потолок и сменил срезень на круглоносый битень, а потом резко обернулся и выстрелил.

– Больно! – разнёсся по магазину детский крик.

Я нахмурился и бросился вперёд, а когда заскочил за полки, увидел рыжего-рыжего мальчонку лет десяти. Тот держался за отбитую ягодицу и пытался идти, сильно прихрамывая.

– А ну иди сюда! – вырвалось у меня. – Ты кто такой?!

– Дядька, не убивай, – захныкал мальчик, обернувшись ко мне.

В свете лампад сверкнули жёлтые лисьи глаза с узким зрачком.

– Где второй? – рявкнул я, и из-за стеллажа вышел ещё один рыжий, даже мельче этого.

– Дядька, пожалуйста, отпустите брата, – жалобно запричитал он, шмыгнув носом.

Одеты были оба в простые рубахи, синие штаны с дырками и кроссовки.

– Это ещё кто такие? – раздалось сзади, и неподалёку встал Вась Вась со своим зеркалом.

Он с раскрытым ртом тарасился на мальчуганов, а я опустил голову.

– Это лешачата. Они, как и девочки-лесавки, потерявшиеся в лесу дети, ставшие лесными духами, – ответил я изумлённому упырю и обратился к мальчикам: – Дурни, почему не вышли, когда я бляхой махал? Я же вас чуть не убил.

– Дядька, ты сказал, что охотник, и мы испугались.

– Дурни, – ещё раз пробормотал я и сел на пол, прислонившись спиной к полке.

Меня начали обступать люди, в которых я признал хозяина магазина, его помощниц, а также стражники. Раньше таких в городе видел. Я повернул голову, глядя, как Вась Вась обсуждает плату с чернявым торговцем.

– А кто мне ущерб восполнит? – гоношился хозяин, показывая на валяющийся на полу товар, испачканный зелёной кровью, на раздавленные овощи, на осколки стекла.

– И что? – не унимался вампир, – ты пожарных тоже будешь об этом спрашивать, если все сгорит?

– Так ты пожар с монстром не равняй, – схватившись за голову, отвечал торговец.

– Да иди ты, – не унимался вампир, – у тебя стопудово страховка есть. Я фотоотчёт боя приложу. И свидетелем если что буду. Гони пятьдесят тысяч, иначе я тебя в чёрную базу внесу, ни один охотник к тебе не придёт больше.

– Вах, ты меня разоряешь. Сорок.

– По рукам! – ответил Вась Вась и сразу достал кошелёк,

ожидаая платы.

– Вы чего среди людей забыли? – снова заговорил я, повернувшись к мальчуганам.

– Наш лес рядом со свалкой, – начал отвечать старший. – Там таких уродцев полно. Они даже духов едят. Это же не лесные, а новые, мусорные. Там на самой свалке вообще жесть творится. Вот и решили, что к людям проще, а тут опять эти.

Я вздохнул и подобрал с пола большой клубень, нюхнул и с хрустом откусил кусок. Клубень был невкусный, и я долго плевался, откинув овощ в сторону.

– Так это же картошка, – засмеялся лешачок, – ее варить нужно или жарить.

– Кто бы сказал, – с усмешкой пробурчал я и встал. – Вася, ты забрал деньги?

– Да, – ответил сияющий, как медный котелок, вампир.

– Что с безвредной, но пакостной нечистью делают?

– В центр социализации отдают. Там их тестируют и решают, что делать. Если безвредные, то в добрые руки могут раздать, ну или ещё что-то. Там с ними реально нормально обращаются. Над центром берегини шефствуют.

– Ну так поехали, – ухмыльнулся я, – отвезём мальцов.

– Поехали, – ответил довольный упырь.

Я оглядел разбитый магазин, а потом резко обернулся. Показалось, что в самом углу стоял кто-то. Но раз, и нету, словно исчез в один миг. Я поглядел на ничего не заметив-

шего Василия, тряхнул головой и пошел к выходу.
– Пойдём мальцы́.

Глава 8. Княжич из мрака

Глава крохотного отряда с громким названием «Басилевс» шёл по длинным казённым коридорам, выкрашенным в бежевый цвет. Мимо него мелькали портреты полководцев и фотографии ныне здравствующих начальников, картины с историческими сражениями, кривовато, но очень старательно написанные каким-то солдатом, не успевшим закончить художественное учебное заведение, одинаковые двери с красными табличками, на которых значились звания и фамилии.

Вась Вась не любил всех этих солдафонов на высоких должностях ещё с тех пор, как работал журналистом. То нельзя, это нельзя, туда не суйся, сюда не лезь, ибо запрещено, а стоит спросить о чём-то личном, выходящем за рамки должностных инструкций, зажимаются и начинают выдавливать из себя: «Ну, это... ну, того... служба отчизне, вот». Лишь с единицами поддерживал полезные контакты.

Поднявшись по лестнице, где сонный дневальный сворачивал красную ковровую дорожку, Василий свернул в боковой коридор с названием «Отдел по контролю и взаимодействию с сущностями неорганического происхождения», и остановился у двери с табличкой «подполковник Е. О. Соснов».

Стоило занести руку, как дверь сама открылась, а изнутри

раздался приветливый голос.

– Заходи, Василь Василич.

И пухлый вампир широко улыбнулся, а потом скользнул в помещение.

– Доброе утро, Егор Олегович. Вы просили заскочить, как рядом буду.

Невысокий боевой маг в подполковничьих погонах отодвинул в сторону клавиатуру и достал из столешницы две кружки и большую стеклянную банку с красной крышкой.

– Кофе будешь?

– Вампирам кофе не очень рекомендовано, – пожал плечами Василий, разглядывая кабинет.

Два стола, поставленных буквой «Т», с придвинутыми к ним стульями, кулер, небольшой холодильник, шкафы, на столе рядом с компьютером лежала книжка «Как я стал боевым магом» – мемуары Соснова. На взгляд питерского журналиста, книжка так себе, язык корявый, непрофессиональный, люди раскрыты картонно и много событий, из-за которых иногда теряется целостность изложения, было убрано из соображений секретности, но самому начальнику отдела контроля нечисти города Новониколаевска об этом лучше не говорить.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Егор Олегович, – будто я не знаю, что вам можно, а что нет. Я некрепкий сделаю.

В воздух взлетела блестящая ложечка из нержавейки и три кубика сахара, а крышка на банке с кофе начала сама от-

кручиваться. Василий же остановил своё внимание на том, чего в прошлый визит не было в кабинете. А именно большой, совершенно чёрный матовый стол, расположенный у противоположной от окна стены. В пяти сантиметрах над столом висел прозрачный макет города, на котором можно было разглядеть крохотные домики, блестящую ленту реки Топь с мостами через неё и разноцветные условные пометки, похожие на воткнутые в карту булавки со светящимися бусинками на верхушках. Но карта была не застывавшая, а живая. Виднелся заходящий на посадку самолёт, он плавно плыл по воздуху, как жирная реактивная муха, а по улицам двигались по своим делам крошечные точки автомашин.

Василий разглядел на макете свой охотничий участок, отгороженный светящейся ниточкой, и улыбнулся.

– Нравится? – спросил Соснов, сделав пасс рукой, от которого кружка с кофе взмыла в воздух и опустилась перед вампиром.

– Неплохая игрушка, – пожал плечами, ответил Вась Вась, а Егор Олегович продолжил.

– Как там твой подопечный?

– Ярополк? – поджав губы и поправив жёлтые горнолыжные очки, переспросил вампир, а потом начал жаловаться: – Если бы не ваша личная просьба, я бы не стал с ним возиться. Да, он крепкий паренёк, но ведь как ребёнок, которого всему учить надо. То он яму выгребную порывается вырыть у гаража, когда есть нормальный сортир рядом, то учу поль-

зоваться зубной щёткой, то ещё что-то. А сейчас он азбуку читает.

– И как успехи?

– Да никак, побубнит немного и бросает. Я ему фломастеры купил, так он сломал один, и говорит, типа, думал колдовство, а это полая тростинка с паклей и краской. Он на улице вещи подбирает и ломает их, а потом кладёт на стол и рассматривает. Я ему про интернет пытался объяснить, но без толку. Он чуть мой смартфон не сломал, хотел ярлычки вытряхнуть на стол через зарядный разъём. Говорит, раз пальцем двигаются, то достать можно. К волшебной палочке я даже боюсь приступать, он же как дикарь.

Соснов внимательно выслушал, допив небольшим глотками кофе, в то время как Василий совсем разошёлся.

– Егор Олегович, я больше так не могу. Мне бы ещё кого-то в помощь, но нормального. Я с этим психом уже не могу.

– Я же тебе Диму на собеседование направил, – парировал начальник.

– Его перехватили.

– Кто?

– Соколина со своими девками, – поморщился Вась Вась, а Соснов встал и, подойдя к вампиру, оперся на стол руками рядом с ним.

– Ты уверен?

– А что тут непонятного может быть? – огрызнулся вам-

пир. – Они его у нас из-за столика на собеседовании выдернули!

– А она знает, кто он?

– А кто он? – переспросил Вась Вась, почесав в затылке.

– Ладно, – задумчиво протянул Соснов, – одним непонятным головняком больше. Но что касается Ярополка, ты не прав. Он ведёт себя вполне нормально. Я думал, хуже будет.

– Нормально? – вскипел вампир, зло поглядев на начальника. – Нормально это когда взрослый человек сам может сходить в магазин и не быть там посмешищем. Ему дисконтную карту вручили, а он довольный, что у купцов выторговал лоток яиц подешевле, мол, люди добрые попались. Весь супермаркет ржал. Я и так его ночью повёл, чтоб народу поменьше было, и вручил двести рублей мелочью, так как он не то что кредитку, бумажные не понимает. Нормально, это когда взрослый человек умеет через улицу на светофоре переходить. Нормально, это когда человеку можно дать телефон с тем, чтоб позвониться. А он букв и цифр не знает! Он вообще ничего не знает! Зато спрашивал, почему я себе челядь не куплю на невольничьем рынке. Мол, в Царьграде есть такие торговцы, а здесь нет, хотя город богаче.

– Да, он нормальный! – повысил голос Соснов. – Он познаёт мир! Он пытается догнать ту тысячу лет, что провёл в лесу среди нечисти!

– Он ненормальный! Я отказываюсь дальше с ним работать! – вспыхнул вампир и приподнялся со стула.

– Сядь, – процедил Егор Олегович, а потом сам отошёл и опустился в своё кресло. – Если откажешься с ним работать, я отзову у тебя лицензию.

– Но почему я? Есть десяток других отрядов, куда его можно направить, – спросил опешивший вампир.

– Я перевёл тебя в резервный фонд, а на твоём участке не находится каких-либо важных социальных объектов. Ты сейчас не влияешь на общую расстановку сил. Это удобно для первичного обучения, – показав на макет, ответил казённым тоном Соснов.

– Да зачем он вообще нужен?

– Есть косвенные данные, что на Ярополка сейчас внимательно смотрят. Смотрят те лесные твари, которые сомневаются в лояльности человечества к ним. Большинству из них плевать на людей, они сидят по своим берлогам, с аппетитом жрут и друг друга, и заблудившихся грибников, и их ничто не интересует дальше охотничьих угодий. Но на каждую тысячу приходится по одному более-менее адекватному. Я немного схитрил, Ярополк – человек, но нечисть считает его своим. И он пример того, что лесные твари могут адаптироваться к жизни в городе. Им не понять такие вещи, как лётчик, программист или инженер. Но вот охоту и войну – вполне.

– Да плевать. Ну наберётся десяток лесных духов, зачем я буду мучиться из-за них?

– Десяток? Площадь лесных массивов нашей страны боль-

ше десяти миллионов квадратных километров, и никто до сих пор не знает, что там за сущности. Так что не ерепенься, а иди и делай своё дело, а я тебе буду подкидывать не сложные, но интересные заказы мимо диспетчерской.

Вась Вась поднял очки на лоб и протёр лицо. Он привык к самостоятельной жизни, и все эти «должен», «обязан» сильно давили на него. Но сейчас явно припёрли к стенке, не оставляя выбора.

– Хорошо, Егор Олегович, – произнёс вампир и направился к выходу.

* * *

– Мама мыла раму, – по слогам прочитал я нарисованные старательным писцом большие буквы и опустил голову на руки.

Тяжело было, эти буквицы отличались от глаголицы, которую я учил. Их было меньше, и все начертаны по-другому. А ещё непонятно, что за слово «рама». Если писец ошибся и написал «Мама мыла рану», то всё ясно. Батьку на охоте зверь покусал, или сына в драке ножом порезали. Если же написано «Мама мыла сраму», тоже ясно. Она в бане и водой плюскает срамное место. Оно и правильно, зачем грязной ходить.

Я встал из-за небольшого стола и взял краюху хлеба, а потом обошёл по кругу оставленный Вась Васем автомобиль.

Хоть и катался на сей вещи, но всё одно любопытно было, как он без колдовства вперёд едет. Ведь двуколесники тоже питаются неведомым бензином. Это я уже знаю, а что из себя бензин представляет – не знаю. Видел, как заливает из длинной кишки.

Думая так, я поглядел на дверь, а потом поддел пальцами небольшой лаз, под которым оказалась крышка, как на бутылки с водой, только больше размером. Пальцы легко скрутили её, но там оказался тёмный провал, из которого резко завоняло. Эта вонь выдернула из тысячелетнего сна один небольшой, но сочный кусок. Помню большую крылатую железяку, рухнувшую в лесную чащу, она так же пахла. Эти железяки долго летали над головой, словно две хищные птицы, что поссорились и гонялись друг за другом. Они надсадно жужжали, как сердитые шмели, и время от времени громыхали. А потом одна упала, сломав кроны деревьев, человек же успел выскочить и долго барахтался, зацепившись верёвками и большим белым полотнищем за ветки. Помню, загорелась железяка гулким чадящим пламенем, и от жара начал таять снег. А человек сперва пытался выпутаться, а потом меня увидел и начал что-то орать. Не помню только, убил я его или нет. А вот вонь ту помню.

Я взял со стола свой фонарик и направил луч в горловину. Внутри плюскалась жижа, на воду похожая. Знать, её и пьёт машина.

– Так! – раздался с порога голос Василия. – Надеюсь, ты

спичкой не пытался подсветить?

– Нет, – отмахнулся я, – А разве спичкой надо?

– Блин, подал идею. Даже не вздумай. Сгорим нафиг! Но хватит прохлаждаться, поехали.

– Куда? – спросил я, оторвавшись от размышлений над пойлом для будущего двуколесника.

– Заказ нам дали. Не частник, полиция помощи просит.

Я ухмыльнулся и потянулся к бронежилету и щиткам, а Вась Вась быстро подскочил к машине и начал доставать оттуда коробки.

– Так, повернись, – скомандовал он, когда я уже надел всё это.

– Зачем?

– Вот зачем, – ответил вампир и прицепил на тугую защёлку к броне на уровне левой ключицы небольшой стеклянный глаз.

Ещё одну вещицу сунул в карман.

– Что это? – спросил я, потрогав пальцем хрустальное око.

– Экшн-камера, а в кармане маячок. Я расставляю подвижные камеры и запущу квадрокоптер, и они будут отслеживать тебя по маячку.

– А ты сам что, в драку опять не полезешь? – нахмурившись, спросил я, посмотрев на толстое зеркало, которое поднял мой сотоварищ, и на котором появилось изображение.

В зеркале отражался Вась Вась, но так, как если бы на него смотрели со стороны. Я потрогал «якшунь-камнеру», как на-

звал её вампир, отчего в зеркале появились большие пальцы, закрывая всю картинку.

– Я снимать всё буду. Это же государство, пока записи или ста свидетелей не будет, не заплатят.

– Это что, я опять один на чудище полезу? – начал потихоньку вскипать.

Не нравилась мне сия затея. И этот в сторонке опять.

– Ну да. Кто ж запись вести будет?

– А они что, твоему честному слову не верят? – произнёс я, стиснув камеру в кулаке.

– Не сломай! Она денег стоит!

– Ты, трус, только о деньгах и думаешь, вместо того чтоб помочь! – подался я вперёд, срывая защёлку с брони. – Возьми меч или копьё да сам сходи на охоту!

– Я и так помогаю! – отложил в сторону зеркало Василий и зло заговорил. – Без меня ты от голода сдохнешь! А без камер нам не заплатят! И я не трус! Просто сейчас по-другому никак. Это не Средние века.

Я замер, сурово глядя на вампира, а тот вздохнул и протянул ладонь.

– Дай камеру.

Глаза его смотрели на меня без опаски, с недовольством, но без ненависти и опаски.

– Дай, – повторил он, покусывая губу.

– Держи, – процедил я и разжал пальцы.

Василий взял хрустальное око и снова закрепил на краю

бронежилета.

Вскоре приготовления были завершены, за это время мы лишь изредка обменивались скухими словечками, а садясь в машину, старались не глядеть друг на друга. От этой ссоры на душе остался неприятный осадок. И Василий вроде прав, и разгребать угли самому не хотелось. А ежели глянуть с другой стороны, то я не убил его в порыве ярости, и сие есть благо.

Ехали мы недолго. Город хоть и непривычен мне, но однообразен в своей пёстрой кутерьме, от которой в глазах рябить начинает. Лишь однажды моё внимание привлёк одинокий призрак, тоскливо стоящий посреди дороги. И лица толком не разобрать. Люди опасливо объезжали вокруг, стараясь не задеть туманную фигурку, а тот шёл вперёд, опустив руки.

– Вытянка, – проследив мой взгляд, произнёс Василий, – души неупокоенных людей, кости которых не захоронили, как требует обычай его народа.

– Я знаю, кто такие вытянки. В городе видеть непривычно.

– Недавно война была. В наш мир вторглась чужая нечисть. Только когда люди, наши боги, да их светлые духи объединились, смогли остановить вторжение. Это официальная версия, но там мутно всё на самом деле. Очень мало тех, кто правду знает. Вот Соснов точно знает. Говорят, Соколина там каким-то боком затесалась, но больше не скажу, не знаю. А во время войны много людей погибло, от некоторых и костей не осталось. Потому и появляются вытянки

чуть ли не каждый день.

Дальше мы ехали молча. Остановились только у большой кучи железа, расположенных за городом. Неподальёку виднелись одноэтажные домики с двускатными крышами. А ещё нас уже ждали. Большая серая машина с синей полосой сбоку, сама словно топором рубленая. Её незримый толмач сразу узиком обозвал. У машины два человека. То, что это стражники, я понял сразу.

Стоило остановиться, как Василий изменился в лице, улыбнувшись, что скоморох на ярмарке.

– О, Палыч, сколько лет, сколько зим! – радостно прокричал он, начав обниматься со стражником.

А вот парень, наверное, подмастерье, опасливо и брезгливо поглядывал на вампира, словно тот прокажённый.

– Жив ещё, старый упыряка, – усмехнулся страж и показал на кучу железа. – Бомжей кто-то мочить начал. Уголовный мир пожимает плечами, местные говорят, не человека видели, нечисть. Я тут про тебя вспомнил, подал запрос, мне согласовали.

– Покусанный? – радостно осведомился Василий, достав из внутреннего кармана смартфон.

– В том-то и дело, что нет. Забитый тупым предметом на смерть. Но знаешь, словно сейфом били. И ни следов машин на въезде, ни следов волочения чего-то тяжёлого нет.

– Разберёмся, – самодовольно выкрикнул Василий, вернувшись к нашей машине.

Он достал из задней двери большую штуку, словно кувшин, прицепленный к кресту. И на концах тоже по маленькому крестику. Стоило ему нажать на какую-то кнопку, как эта чудесная вещь сразу зажужжала и взлетела, неподвижно замерев над нашими головами.

– Квадрик готов, – пояснил упырь, а потом махнул рукой в сторону лесочка, расположенного за кучей железа.

Но стоило нам сделать несколько шагов, как на площадку въехала ещё одна машина. Большая, ярко разукрашенная.

Увидев её, Василий изменился в лице и зло начал цедить бранные слова через зубы.

– Опять эти сучки.

Дверь яркой машины распахнулась, и на землю спрыгнула Соколина.

– Это наш тролль! – закричала она, доставая с сидения небольшую вещицу.

«Пистолет-пулемёт», – прошептал толмач.

– С какого перепуга он твой?! – завозмущался в ответ Василий, показав рукой на стража. – Мы по полицейскому вызову!

– У нас заказ от муниципалитета! – сразу начав тыкать смартфоном упырю в лицо, заголосила девушка.

А из яркой машины вышли высокая тёмненькая Стегляника и бледная Несмеяна, у которой на лице была белая маска. Позже рядом оказался маг Дима. Он остановился немного в стороне, не желая вмешиваться в перепалку.

Станным было другое. Я каким-то неведомым чутьём знал, что Дима – чародей, Стекляника тоже колдунья. От Соколина тянуло как от древних существей, но нечистью она не была, а вот Несмеяна – нелюдь. Не знаю, что за чутьё такое, но понимание вещей было естественным, как если на запах шишку сосновую от яблока с закрытыми глазами отличить – пахнут по-разному.

– Я тоже не на вольном поиске и я – первый! – возмущался Василий.

– Да ты с ним не сладишь! Сил маловато! – кричала девушка.

Я вздохнул и поглядел на скривившегося Стража. Глупо всё это. Нет, чтоб сообща, а она свару затеяли. Придётся брать всё в свои древние руки.

С такими мыслями я подошёл к Диме и протянул ладонь, а потом кивком головы показал в сторону кучи железа.

– Пусть лаятся, аки псы. Настоящим воинам недосуг это. Пойдём, сами уладим.

Тот коротко глянул на девушек, потом на лесок, и снова на девок.

– Я на подхвате. Сумма пополам.

– Идёт, – с ухмылкой ответил я. – С этими делиться будешь?

– Доход всегда между группами делится, не между одиночками, – усмехнулся Дмитрий в ответ.

– А я этого снимахаря хочу без копейки разок оставить.

– Кого? – не понял чародей.

– Ну. Он всё норовит снимать чего-то с квадрокоптера, то ли бельё высохшее, то ли котят.

Дима усмехнулся, а я поглядел на Несмеяну. Уж коли она нечисть, тоже должна быть заодно. Не зря же мне шептали «Не забывай». Перед внутренним взором промелькнули лесные твари и боги. Наверное, это отразилось в моих глазах, но бледная девушка вздрогнула и попятилась. Я только сейчас заметил, что у неё глаза блёкло-зелёные и зрачки узкие, змеиные.

– За мной, – проронил я, надеясь, что это будет выглядеть, как княжеский призыв, а не грубость.

Девушка быстро глянула на подружек и кивнула, подхватив длинное ружьё, и мы втроём направились в лес.

– Ярик?

– Несмеяшка? – почти одновременно нас окликнули сзади.

Я остановился и повернулся.

– Был я Царьграде. Так же там людьми торговали. Этот сдохнет скоро, за него медяк. Эта подстилка красивая, но не понимает языка, хотя ей же не языком работать, половину золотого. А это мастеровой, за него три коровы отдам. Так и вы тролля делите, словно торгаши. Смотреть тошно. А меж тем люди гибнут.

Упырь рукой провёл по лицу, мол, глупец. А Соколина упёрла руке в боки и начала возмущаться.

– Ты откуда такой борзый выполз? Из деревни Семидырки?

Я насупился и пошёл в сторону девушки. В ушах гулко застучало сердце.

– Ярик, Ярик, не надо! – как в бочке слышался голос Василия.

А мир померк, уходя в бездну мрака, где на чёрном небе сияет яхонтовыми космами смолянисто-чёрное солнце. Оно словно в бесконечном затмении было.

– Не подходи! – закричала Соколина и выставила вперёд пистолет-пулемёт.

Я неспешно схватил девушку за запястье и поднял над землёй.

– Отпусти! – завопила она.

В воздухе раздалось частое-частое «тра-та-та-та». А я сделал несколько шагов со своей нетяжёлой ношей, а потом взял охотницу за грудки и прижал к машине.

– Я выполз из тысячи лет мрака, – сорвалось с моих губ утробное рычание, а в стекле отразилось тёмное, словно из свинца отлитое лицо и совершенно чёрные глаза без зрачков.

Немного поглядев в своё отражение, я сделал глубокий вздох и выпустил жертву. Та упала на колени и начала тереть запястье. Мир вокруг снова приобрёл краски, а в стекле снова был настоящий я.

– Блин, синяк будет. Маугли, нахрен, потусторонний, – протянула она, а я подал руку, дабы помочь встать, но де-

вушка смерила меня недовольным взглядом и поднялась с земли сама. – Иди нафиг. И иди вали этого урода, раз такой отмороженный. А я погляжу, как он твои кишки по траве размажет.

Я повернулся и прошёл мимо раскрывшего рот Василия к лесу. Два стражника, держа пистолеты в руках и хмуро глядя на меня, отошли в сторону. Стекляника держала в руке небольшой огненный шар. Но как-то неуверенно держала, словно не знала, поможет это, или нужно средство посильнее. На лице Димы отражалось любопытство, а вот Несмеяна просто светилась восхищением.

– Княжич, – услышал я свистящий шёпот, когда прошёл мимо неё.

– Княжич, – кивнул я, думая, что отступать уже некуда, и если признали во мне княжью кровь, то идти нужно теперь до конца.

Хотя какой конец? Впереди только какой-то тролль, которого нужно утихомирить, как разбойника с большой дороги. А не поймёт, голову с плеч.

Глава 9. Зелёная банда

Мы шли, но самому было немного боязно. Нет, не за жизнь, а за то, что могу не справиться и подвести остальных. Не зря Тихон учил, что воевода должен думать не только о поле боя, но и о вдовах и сиротах, что за его спиной останутся. И хотя войско моё невелико, сие не умаляет ответственности перед ним.

Я достал лук и трёхгранную стрелу, вглядываясь в чахлую рощу, где никого и не было на первый взгляд. Лишь кучи ржавых железяк, разбросанных меж стволов деревьев. Но здесь кто-то был, это я чувствовал.

– Дмитрий, – обратился к чародею, – а какая нечисть в этих местах обитает?

– Да разная, – пожал он плечами, – славянские после первой волны либо притихли, либо ассимилировались. Сейчас или из Европы бегут, где их прижали с тотальной зачисткой, или боги северных народов. Эти вааще дикие. Могут из Китая или Монголии попасться. Остальные редкость. Я только один раз в метро кицунэ видел.

– Асеменились? – не понял я.

– Очеловечились, как Несмеяна, – кивнул на девушку чародей, – она дочь змеиного народа.

– Ужалка? – переспросил, приглядевшись к бледной спутнице, которая молча стояла рядом с нами.

Приходилось общаться с подобными ей, невредные, если не трогать. Я почесал в затылке и поглядел в сторону, где остались Василий и Соколина.

– А кто такие тролли?

Дима открыл рот, замер на несколько мгновений, а потом неуверенно спросил:

– Ты пошёл на тролля, но не знаешь, кто это?

– Настоящий княжич, – восхищённо произнесла Несмеяна своим шипящим голосом, но я лишь коротко бросил на неё взгляд.

Да, это было глупо, но сейчас отступать уже поздно.

– Нет, подожди, ты пошёл на тролля, но не знаешь, что это за хрень? – снова спросил Дмитрий.

Он замолчал, поглядев сперва в небо, а потом на каркающих на ветках ворон.

– Псих, – наконец, выдавил он, на что я пожал плечами, не зная такого слова. – А с чем ты на него пошёл?

– Ну, лук, меч, ножи. Думаю, осилим, – ответил я, коснувшись своего оружия пальцами.

– Точно псих, – тихо повторил Дима. А потом протянул ладонь. – Дай хоть меч гляну. Если это древний артефакт, то можно без напряжения долбануть того выродка.

Я ещё поглядел по сторонам, надеясь, что моего позора сейчас никто не видит, а потом вытащил из ножен клинок, подав чародею. Тролль, не тролль, какая разница? Не с богом воевать будем, и то ладно.

Дмитрий взял меч, зажмурился и провёл по железу пальцами, отчего оно тихо зазвенело под пальцами, как струна. Так продолжалось достаточно долго, а я глядел по сторонам. Что он тянет? Убежит ведь тролль, ни с чем вернёмся. Стыдоба-то будет.

– Хороший клинок, – наконец, произнёс чародей, протяжно вздохнув. – Для артефактора просто замечательный.

– С древними чарами? – с надеждой спросил я. – А что, неплохое подспорье.

– Он чистый, как белый лист. Делай с ним, что хочешь, и не нужно соскрёбывать магеми предыдущего мага. Давай так. Если выживешь, я с ним поковыряюсь, недавно у отца много всяких схем позаимствовал. Может, что хорошее и выйдет.

– Послушай, кудесник, – произнёс я и положил Дмитрию руку на плечо, отчего тот немного растерялся, – я новенький в этом ремесле, ты новенький, стало быть, вместе держаться надобно. Я тебе часть доли отдам, а ты мне с колдунством поможешь. На упыря надёжи нет никакой. Он неплохой, но не то, что мне надобно.

– Ты сегодня погибнешь, – немного нервно ответил чародей.

– Не-е-ет, – протянул я, – если всё толково сделаем, то и сами целы будем, и подвиг свершим.

– Да ты даже кто такой тролль не знаешь, – вдруг начал повышать голос Дима. – Я не о таком геройстве мечтаю. Отец

без потерь чужие миры прошёл, а что про меня скажут? Что я укокошил товарища в первой же битве? Нет!

– Значит, у тебя папенька из знатных? – переспросил я, обдумывая, как быть.

И чему же меня учил Тихон? Что есть в сём добром молодце? Не гордыня. Не зависть. И не за злато он встал на путь охотников.

Что же Тихон сказал бы? Вот, вспомнил, каждый сын хочет доказать своему отцу, что он не нуждается в опеке, что он уже взрослый. И чем больше слава предка, тем сильнее это желание. Правда, это он про Ратибора говорил, но тут что-то похожее есть. Жаль, Тихона нет, не у кого спросить мудрого житейского совета. Придётся самому думать.

– Ладно, – произнёс я, убирая руку с плеча Дмитрия, забирая меч и отходя в сторону, – сам побью его, и вся слава моя будет. А ежели сдохну, то все будут знать, что ты испугался, из-за чего человек погиб. Да и невелика потеря, подумаешь, псих какой-то.

Я отошёл ещё дальше, а потом встал, зажмурившись. Если попадётся на эту детскую уловку, то совсем велика его обида на отца. Или наивен, как дитя.

– Ну ты и скотина, – слышалось сзади, – на совесть давишь?

– Ага, – как можно самоувереннее произнёс я.

– Да чёрт с тобой, – выругался Дмитрий, а потом зазвенел чем-то. – На, хоть, вáкумки с чарами.

Он догнал меня и вручил несколько склянок со светящимся нутром. Среди них была обычная лампа, наполненная светом. Я улыбнулся, взяв всё это добро и расовав по карманам, а потом поднял меч вверх.

– На поиски славы, славяне. Несмеяна, ты что умеешь?

Бледная ужалка приподняла большое ружьё, показывая, что именно им она и будет бить недруга. Я же перевёл взгляд на Дмитрия. Тот снова вздохнул.

– Она снайпер.

– Это что?

– Это стрелок с дальней позиции, – пояснил чародей. – Трёхлинейка Мосина, конечно, древнее оружие, но нелюдо автоматику в город не дадут. И так еле разрешение выбили.

– Подревнее буду, – усмехнулся я, легонько взмахнув мечом. – И подыхать не собираюсь.

Дима достал из кармана небольшую штучку, положив на ладонь, а потом та взмыла в воздух, как мыльный пузырь.

– Снимать будешь? – переспросил я, глядя на небольшой огонёк, зажёгшийся на вещице.

– Это не помешает. Твои камеры тоже, кстати, работают, – согласился он, отчего я притронулся к хрустальному оку, вишащему на краю бронежилета.

Так мы направились в рощу. Чем дальше уходили, тем больше звуков слышалось. Звуков, чуждых лесу. Гомон, крики, звон железа.

– Мой лес! – наконец, разобрал я девичий звонкий го-

лос. – Прочь, выродки!

Мы переглянулись и прибавили шаг. Обогнув густые заросли ивняка, поселившегося вдоль какого-то пруда, и взобравшись на небольшой холм, увидели около трёх десятков странных существ, тащивших пилы, топоры и прочий инструмент. Все они были мне по пояс ростом, зеленокожие, носастые, с длинными ушами. Одеты в лохмотья, какие можно на свалке подобрать. А вокруг них бегала босая девушка, почти подросток, одетая в рваные синие мужские порты и футболку. Только цветной пояс, выполненный по завету предков, был привычным и знакомым. Берегиня, а это именно она, кидала в них ветки и шишки да выкрикивала проклятия, боясь подойти ближе.

– Гоблины? – вдруг произнёс Дмитрий, – а эта-то гадость откуда? Их у нас никогда не было.

– Знакомые? – переспросил я, вслушиваясь в непривычный говор существ и крики берегини.

– Это из Европы. Их раньше дальше Урала никогда не видели. На редкость неприятные твари.

– Я вам глаза выцарапаю! – визжала берегиня, бегая по кругу, как собака вокруг выводка кабанов. И лает, и подойти боится. – Уроды!

Гоблины, горлопаны меж собой и не сильно обращая внимание на девушку, подошли с пилами к большой берёзе.

– Не надо! – взмолилась берегиня. – Ну, пожалуйста, не трогайте.

Я прищурился и приладил стрелу к тетиве.

– Не вздумай, – прошептал стоящий рядом Дмитрий, хотя сам достал пистолет, щёлкая им и зло играя желваками, – у нас на них заказа нет. Нас за это могут оштрафовать. Или вообще отнять лицензию.

– И ты будешь глядеть, как обижают невинных? Берегиня без берёзы – мёртвый дух. Их у нас ещё берёзынями звали, а промеж византийцев ангелами. Берёза – священное светлое древо. И ты будешь глядеть, как чуждые твари святыню попирают?

– Их нельзя убивать, – повторил чародей, скрипнув зубами.

– А кто об убийстве говорит? Так, попортим шкурку малость.

Я вскинул лук, прицелился и выстрелил. Стрела со звоном железа о железо выбила из ручонки одного из гоблинов пилу. А после этого я поднял руку с жетоном и громко свистнул.

– Всем стоять! Охотники!

В лесочке повисла полнейшая тишина, а берегиня и зеленокожие обернулись и замерли. На лице девушки медленно проступила улыбка. А глаза, на которых навернулись слёзы, просияли. Из кучки гоблинов же вышел один, одетый почище и побогаче. Даже шкурка дворового кота на плечи была накинута.

– Хантур, охотаник, – произнёс он по слогам, блеющим, как у барана голосом, даже жёлтые глаза его были как у ба-

рана – с лежащим на боку овальным зрачком, – лорд-хозяин сказал, не боятся. Это земля оф лорд. И мы делаем, что лорд сказал.

– Да мне плевать, что вы делаете! Вы человека убили!

– Это не тролли, – прошептал мне на ухо подошедший Дмитрий.

– Не мешай, – едва слышно ответил ему, а потом закрычал: – И вы примете за это кару!

Гоблины загоношились и начали шумно что-то обсуждать, тыча пальцем то друг в друга, то в мою сторону. Предводитель совсем разошёлся, хватая за грудки своих помощников и раздавая тычки. Я наблюдал за всем этим с откровенным любопытством, пока, наконец, старший гoblin не заблеял на всю поляну.

– Шар ап!

Зелёные смолкли, а вождь достал из складок лохмотьев потресканный смартфон и несколько раз в него ткнул, приложив у длинному уху.

– Хозяин, хантур хиэ, он говорит, мы убили хуман. Еес. Да.

Гoblin широко улыбнулся, показав острые зубы, и убрал смартфон.

– Это не мы убить. Мы не знать, кто убить, – проблеял вождь и достал тонкую потёртую плашку, – у меня виза есть. Ю кэн нот меня бить.

– У тебя – да, а у твоих работников? Я не уйду, пока не

узнаю, кто убил человека.

Я убрал лук, достал меч и медленно пошёл вперёд, срубая им верхушки трав и листья папоротника. Гоблин оглянулся и снова противно залепетал.

– Это не мы.

– Тогда я хочу сам поговорить с хозяином. Дай смартфон мне.

– Нет, нет, не дам! – вдруг завизжал зеленокожий, сжав пальцами вещицу.

– Дай! – протянул я руку и совсем приблизился. И непонятно, что его так напугало. Неужели настолько боялся повелителя? – А то я берегиню спрошу, кто убил. Она не могла не видеть.

– Дрю-ю-ю! Кам хиэр! Дрю-ю-ю! – завопил на всю поляну вожак, а гоблины начали доставать из-под лохмотьев оружие – короткие кривые сабли, плохенькие луки и небольшие топоры.

Для меня всё это детские игрушки, но слишком много их было. Даже игрушками можно насмерть зацарапать.

– Дрю-ю-ю-ю! – истошно вопил вождь, а через некоторое время раздались скрежет и грохот.

Одна из куч железа начала рассыпаться. Из-под ржавого остова большой машины показались сперва длинные темно-зелёные руки, а потом большая голова со скошенным лбом и маленькими свинячьими глазками.

– А вот это уже тролль, – услышал я голос Дмитрия позади

себя.

– Значит, этого, с визой, оставляем в живых, остальных убиваем, – произнёс я, разглядывая огромную тушу.

Чудище было тяжелее матерого тура не менее чем в два раза. А лапищи, которые сейчас держали огромную дубину, толще самого человека.

– Это твой план? – изменившись в лице, спросил Дмитрий.

Он кусал губы и глядел на тролля странным взглядом. Словно ещё не решил, отступить или биться. А зелёный великан откинул остов машины в сторону и пошёл к нам, волоча дубину по земле.

– Про план ничего не ведаю, но таков мой замысел.

– Псих, – буркнул чародей, быстро глянув вверх.

К этому моменту над головами появилась жужжалка, которую Василий называл «ковротоптом», как-то так. А это значит, что за нами сейчас наблюдает весь мир. Опозориться никак не можно.

– Это как степняков бить. Я их много бил. Сперва мелочь, а потом тролля. Тролль неповоротливый.

В этот миг гоблины все скопом завизжали и начали стрелять из луков. Я приготовился принять на себя болезненные уколы мелких стрёлок, но те зависли в воздухе в трёх шагах от нас, словно воткнулись в нечто незримое.

– Вот зараза! – выругался Дмитрий, вытянув перед собой руку, вокруг которой пылал холодный голубой пламень.

Он тряхнул ладонью, и стрелы упали на траву к превеликому недовольству зелёной орды.

– Несмеяна, бей по глазам тролля! – выкрикнул я, а сам бросился к гоблинам.

Те завизжали и кинулись в разные стороны как стадо баранов – бляя, спотыкаясь и прячась друг за друга. Но я и не хотел их рубить, лишь испугнуть. А потом направился к великану. Тот проделал уже половину пути от своей железной берлоги до нас.

Со стороны холма раздались выстрелы. Несмеяна попыталась выбить троллю глаза, но тот лишь прикрыл лицо рукой, дёргаясь при каждом попадании пуль в толстую морщинистую кожу. Это он зря. Я оценил ситуацию, сменил меч на лук и выстрелил на разрыв. Стрела попала точнёхонько туда, куда хотел. А именно в болтающуюся между ног тролля елду. По ней было сложно промахнуться, так как она была толщиной с мою голень.

Троль неистово заревел, но вместо того, чтоб отступить, бросился вперёд, размахивая дубиной и свободной рукой. По его коленям и внутренней стороне бедра потекла чёрная кровь, пузырясь серой пеной от серебра, а стрела цеплялась за ногу, и это, голову даю на отсечение, было очень больно. Вдобавок колдун ударил по чудищу яркой молнией, от которой кожа на левом плече задымилась и лопнула, как кожа поросёнка на вертеле.

Ничего не соображающий от ярости великан подбежал к

опешившему Дмитрию и опустил дубину на то место, где стоял чародей. Вспыхнуло. Колдуна охватило белесое марево, быстро сложившееся в огромный пузырь, который бил нестерпимо ревущий тролль.

Сзади стреляла ужалка, каждый раз отшатываясь от отдачи вырывающегося грома. Я уже прочитал о таком явлении, и только диву давался, как девушка ещё плечо не отбила. Но змеиный народ живучий, даже мелкую гадюку палкой не сразу перешибёшь. Тролль не обращал внимания на пули, а всё бил и бил, хотя уже лишился одного глаза.

– Ярополк, помоги! – кричал Дима, упав на колени и выставив вперёд руки.

Он из последних сил держал защитный пузырь. На земле перед ним валялся пистолет, от которого сейчас не было никакой пользы.

Я выхватил из кармана склянки со светом и стал кидать в чудище, словно камни. Одна разбилась, рассыпав радужные искры, вторая просто отскочила от шкуры, упав на траву. Лишь третья грохотнула так, что уши заложило. Тролль отшатнулся, тряхнул головой и снова заревел, бросившись на этот раз в мою сторону. Я ещё раз выстрелил, всадив стрелу в большую волосатую мошонку, и отбросил лук подальше, чтоб его не сломали в бою дубиной. А потом выхватил меч. Толку от него мало, но и отступать не было возможности.

Выписывать сейчас клинком красивые кренделя не имело смысла, тот сильнее и попросту раздавит. Нужно кружить в

слепой доле. Когда тролль замахнулся дубиной, я подбежал вплотную и со всей силы ударил по ноге, оставляя небольшую рану. Меч с трудом пробил толстую шкуру, которую впору на щит натягивать.

Великан дёрнул рукой, старясь меня задеть, а я совершил рывок, оказавшись за спиной. Пробить кожу на спине не представлялось возможным, поэтому сделал укол самым остриём в уже раненное мной место – в мошонку, из которой торчал стрела. Тролль завопил, схватившись лапищей за задницу, и сделал взмах дубиной наотмашь, отчего я едва увернулся. А чудище схватило пальцами стрелы и с ещё большим рёвом вытянуло сначала одну, потом другую. Я аж сам скривился, представляя, насколько это больно.

Великан на некоторое время остановился, тяжело дыша, как загнанный вепрь.

– Сдавайса! – раздалось рядом блеяние вождя гоблинов, а когда я поглядел в сторону, то вождь стоял позади двух уродцев покрепче.

Перед зелёными созданиями на коленях стояли Несмеяна и давешняя берегиня, а к их горлам были приставлены чёрные кривые клинки.

– Не угадал, – процедил я, доставая из петелек метательные ножи.

Против тролля они бесполезны, а вот супротив таких коротышек – в самый раз. Напав на членов одного из отрядов, когда тот в своём праве, гoblin сам себя поставил вне зако-

на. Я быстро метнул один нож, потом второй. Зелёные твари завизжали, схватившись за лица. Нож не убьёт, но серебро подобно яду шершня – болезненно до слёз.

Было видно, как ужалка извернулась, схватила руками торчащий из скулы гоблина нож, зашипела и стала остервенено бить им в шею, из которой начала брызгать чёрная кровь, заливая девушку с ног до головы. Со змеей шутить не нужно, ужалит. Даже неядовитый уж может вцепиться мёртвой хваткой в обидчика. Берегиня же начала отползать на четвереньках от места своего пленения.

Ужалка подхватила короткий кривой клинок, готовясь рубануть второго уродца, но её опередил Дмитрий. В гоблина ударила молния, заставив вспыхнуть и упасть на траву. Вождь истерично заблеял и помчался со всех ног в рощу.

– Яр! – услышал я, а потом отпрыгнул, уворачиваясь от дубины тролля.

Та вспахала траву совсем рядом со мной. Придётся бить его в совсем ближнем бою. Но что ему можно сделать мечом? Наверное, ничего, если не бить по мошонке до полного обескровливания. Но он не дурак, второй раз к ней не подпустит.

Наверное, я слишком сильно замешкался, так как в меня прилетело большой веткой, выбив дух и откинув назад. Троль радостно заревел и бросился на меня, я не успевал отползти и выставил вперёд руки и одну ногу, готовясь принять удар громадной дубиной. Лишь в последний миг в го-

лову чудища ударила молния, заставив отдёрнуться. Дубина снова упала мимо, но везение не могло продолжаться бесконечно, нужно действовать. Я вскочил и снова ударил в большое место, чуть не оглохнув от рёва. На конце клинка осталась новая порция чёрной крови. Слово само всплыло из памяти в ненужный миг – в разгар боя. Но да хрен с ней, с порцией. Меня схватили за ногу, и я взлетел вверх тормашками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.